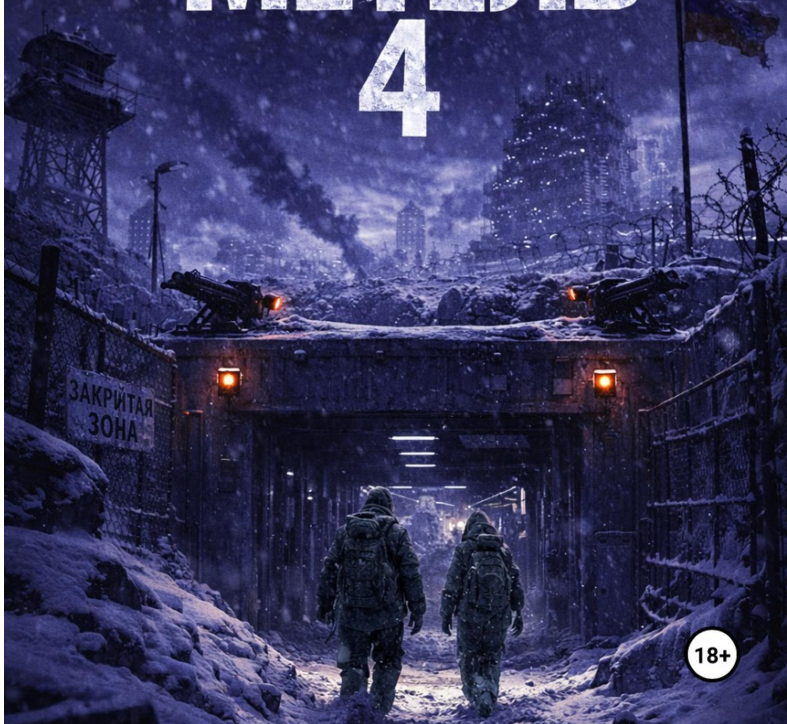

АЛЕКСЕЙ
КИРСАНОВ

АРОН
РОДОВИЧ

СКВОЗЬ МЕТЕЛЬ 4

18+

Алексей Кирсанов
Арон Родович
Сквозь метель 4
Серия «Сквозь метель», книга 4

*<https://litres.ru/73771831>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что же наших героев ждет дальше.
Выживут они или утонут под горами снега?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Арон Родович, Алексей Кирсанов Сквозь метель 4

Глава 1

Вадим толкнул Катю в плечо. Сильнее, чем хотел.

– Идём. Хватит.

Она стояла, вцепившись взглядом в красный глаз камеры над воротами. Вмёрзший в бетонный пилон объектив горел ровно. Просто горел. Три дня они торчали здесь, как два дурака. Три ночи грелись по очереди, слушая, как завывает ветер в разбитых остовах машин на подступах к этому проклятому комплексу. Вадим уже сбился со счета, сколько раз он проклял тот день, когда они поверили в эту затею.

– Кать.

Она моргнула. Медленно, будто веки были налиты свинцом. Губы распухли и потрескались, под глазами залегли черные ямы. Красивая когда-то баба сейчас напоминала старуху. Вадим и сам выглядел не лучше: щетина сосульками, рожа обветренная, обмороженная, глаза красные от недосыпа и едкого дыма, который они травили в салоне, пытаясь сохранить жалкие крупницы тепла. Ничего удивительного в

этом не было: после начала коллапса не было, наверное, ни одного человека, который бы выглядел иначе. Внешность стала первой жертвой выживания.

– Я сказал идём. – Он взял её за локоть. – Никто нам не откроет, надежды нет. А замерзнуть у ворот тоже не очень хочется.

Катя дернулась, но он держал крепко. Она всхлипнула. Вдохнула сухо, надрывно, как ребенок, который вдруг понял окончательно и бесповоротно: мать не придет. Никогда.

– Колосов... получается это всё обман? Или что-то случилось? – начала говорить она, но голос сорвался в хрип.

– Колосов, что Колосов? Он просто сказал, возможно предположил и все – жестко перебил Вадим. Он мотнул головой на мёртвую зону перед воротами. На вмёрзшие в лёд остовы машин, похожие на скелеты доисторических чудовищ. На темные бугорки, угадывавшиеся под слоем инея, которые когда-то были людьми. – Видишь это? Сюда уже приходили, и не один раз. Их не пустили. Нас тоже не пустят.

Катя наконец оторвала взгляд от камеры и посмотрела на него. Когда человек перестает надеяться, глаза становятся стеклянными, неживыми. Вадим видел такой взгляд у раненых, которые понимали, что не дотянут до утра.

– Ты прав, – сказала она тихо, и голос её звучал ровно, как у робота. – Пошли.

Она развернулась и, не оглядываясь, побрела к снегоходам. Вадим задержался на секунду, снова глянул на камеру.

Красный глаз смотрел равнодушно. Ну и хрен с тобой.

Он догнал Катю у снегоходов. Она возилась с креплением багажа – пальцы в толстых рукавицах не слушались, ремень не желал входить в пряжку.

Вадим сел в «Рысь», повернул ключ. Снегоход кашлянул, чихнул и заглох. Вадим выматерился сквозь зубы, выдохнул, стараясь унять собственное сердцебиение. Еще раз. Стартер завыл с надрывом. Двигатель схватился, затарахтел сначала с перебоями, но быстро выровнялся.

– Порядок, – сказал Вадим сам себе.

Он уже собрался дать газ, развернуться и уехать прочь от этого места, от этой немой надежды, сжиравшей последние силы, когда сзади раздался щелчок.

Вадим замер. Катя, только что расслабившаяся было, вцепилась в руль. Щелчок повторился. Потом шипение, треск помех. Красный глаз над воротами перестал гореть ровно и замигал, часто и тревожно. А динамик в бетонном пилоне справа, который они принимали за часть декора, неожиданно ожил, закашлял, выдавая облачко инея.

– Ершов Вадим, Снегирева Екатерина?

Голос женский. Усталый, сиплый, искаженный динамиком. Но живой, настоящий.

Вадим не ответил. Он смотрел на динамик, не в силах пошевелиться. Катя вцепилась в него еще крепче, он слышал её прерывистое дыхание.

– Подтвердите идентификацию, – снова сказал голос, уже

с ноткой нетерпения. – Это вы?

Катя толкнула его в спину.

– Вадим! Чего молчишь?!

Вадим сглотнул. Во рту пересохло так, что язык, казалось, прилип к нёбу намертво.

– Да, – выдавил он хрипло, осипшим от мороза и волнения голосом. – Ершов. Вадим Ершов. Снегирева со мной. Екатерина. Мы... Колосов Дмитрий Сергеевич нам сказал...

– Ждите.

И всё. Тишина. Только ветер свистит в остовах машин и снегоход под ними тарахтит, выплёвывая сизый дым.

Вадим машинально заглушил мотор. Тишина стала ватной, давящей. Катя сползла с сиденья, сделала шаг к воротам, потом другой. Вадим пошел за ней, забыв про снегоходы, про вещи, про всё.

Они встали метрах в десяти от створа. Ворота как ворота – бетонные, с массивными металлическими накладками. На них иней вырос сантиметров пять, превратив поверхность в подобие ледяного панциря. Щелей не видно – всё забито льдом и временем.

– Глюки? – спросил Вадим одними губами. Ему хотелось верить, что нет, но страх разочарования был сильнее.

Катя мотнула головой, не отрывая взгляда от ворот. Вцепилась в его рукав мертвой хваткой.

– Слышал? Ты слышал же? Наши фамилии...

– Слышал.

– Значит, не глюки.

Ждали минуту. Две. Пять. Вадим начал замерзать. Когда просто стоишь – холодно, но когда ждешь – он чувствует-ся в десять раз сильнее. Каждая секунда тянулась вечность. Он топнул ногой, хлопнул себя по бокам, пытаясь разогнать кровь. Катя стояла статуей, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть удачу.

– Может, решают, – сказал он, чтобы хоть что-то сказать, разорвать эту гнетущую тишину. – Впускать или прямо здесь... того...

Катя не ответила. Но через мгновение дернула его за рукав:

– Смотри! Вадим, смотри!

Снег у основания ворот шевелился. По плотному насту пошла мелкая дрожь, побежали трещинки. Секунда – и земля под ногами загудела. Тихо, на пределе слышимости, потом громче, нарастая. Вадим отступил на шаг, потянул Катю за собой.

– Назад. Отойди.

Они отошли чуть дальше, спотыкаясь, проваливаясь в снег.

С ворот посыпался иней мелкой ледяной крошкой, потом целыми кусками. Огромные бетонные створки дрогнули, с них посыпались снежные наросты. Медленно, с натужным, душераздирающим скрежетом гидравлики, они начали рас-ходиться.

Из образовавшейся щели ударил свет. Белый, яркий, режущий глаза после полумрака ночи. Катя зажмурилась, вскрикнув. Вадим сощурился до боли, прикрыл глаза ладонью, но не отвел взгляда.

Из щели потянуло воздухом. Сначала вроде показалось, но нет, это было настоящее тепло. Запах жизни. Он ударил в лицо, смешанный с запахом машинного масла, озона и еще чего-то неуловимо чистого.

– Твою мать, – выдохнул он, чувствуя, как по лицу, по оттаивающим щекам текут слезы. То ли от яркого света, то ли от нахлынувшего чувства.

Катя рядом всхлипнула. Теперь уже точно заплакала, размазывая слезы по грязным щекам.

Ворота открылись полностью, обнажив шлюз. Огромное помещение, залитое стерильным белым светом. Пол из металлических рифленых плит уходил в глубину. В дальнем конце – еще одни ворота, поменьше. И больше ничего. Пустота, чистота и тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции.

Вадим переглянулся с Катей. Она вытерла лицо рукавом, шмыгнула носом.

– Ну? – спросила она, и в этом коротком слове было всё: страх, надежда, мольба.

– Пошли, – сказал он и взял крепко Катю за руку.

Они пошли медленно, крадучись, будто боялись, что створки сейчас захлопнутся и раздавят их. Перешагнули по-

рог, оказались внутри. Тепло ударило в лицо, в грудь, обволокло холодные тела. Вадим вдохнул полной грудью – воздух сухой, чистый, приятно холодит горло.

За спиной загудело мощнее. Наружные ворота, не спрашивая их согласия, медленно сдвигались. Катя дернулась назад, инстинктивно желая выскочить, но Вадим мертвой хваткой схватил её руку.

– Стой. Не вздумай дергаться. Всё нормально. Мы этого ждали.

Она кивнула, глотая слезы. Ворота закрылись с тяжелым, неотвратимым стуком, отсекая внешний мир, отсекая всё, что было снаружи – холод, смерть, прошлую жизнь. Стало тихо. Только гул вентиляции гудит где-то глубоко в недрах комплекса и гулко отдается в ушах стук собственного сердца.

Загудело снова. Внутренние ворота поехали в сторону, убираясь в стену. За ними – еще один отсек, поменьше, с форсунками в стенах и потолке. Санпропускник. На пороге – двое. Мужики в легких костюмах химзащиты, с автоматами Калашникова наперевес. Стволы смотрят в пол, но это не расслабляло совсем. Один, повыше, жестом показал: заходите, мол.

Вадим шагнул, Катя за ним, вцепившись в его куртку. Внутренние ворота закрылись, и их тут же обдало паром. Горячим, густым, под высоким давлением. Катя взвизгнула, прижалась к Вадиму, зарылась лицом ему в спину. Вадим

зажмурился, чувствуя, как обжигающий воздух пробирается под одежду. Он слышал, как шипят форсунки, и представлял, как вместе с грязью с них сходит сама смерть.

Когда пар рассеялся и вентиляторы высосали остатки влаги, один из мужиков, тот что повыше, снял маску. Лицо обычное, усталое, лет сорока, с глубокими морщинами у рта.

– Руки поднимите, – сказал он устало.

Вадим подчинился, отпустив Катю. Их обшарили быстро, профессионально, без лишних движений. Катин рюкзак сняли, поставили к стене.

– Раздевайтесь, – сказал тот же голос.

– В смысле? – не понял Вадим.

– В прямом. Снимайте всё до нитки. Тряпки – вон в тот бак.

Мужик кивнул на здоровенный металлический контейнер у стены, похожий на мусорный, только, видимо, герметичный. Вадим посмотрел на Катю. Та пожала плечами с обреченным спокойствием: деваться некуда, мы уже внутри, отступать поздно.

Они разделись. Скинули в бак свои вонючие, пропитанные потом и дымом обноски. Катя стянула последнюю грязную футболку, прикрылась руками, втянула голову в плечи. Вадим встал перед ней, загораживая от равнодушных взглядов охраны.

– Проходите, – кивнули на дверь в торце отсека.

За дверью оказался душ. Настоящий, с горячей водой, с

мылом в дозаторах, с чистыми полотенцами на полках. Вадим встал под упругую горячую струю и минут пять просто стоял, закрыв глаза. Вода лилась по лицу, по телу, смывая грязь, пот, кровь, память о последних месяцах. Он смотрел, как серая, мутная вода уходит в сток, и не мог насладиться этим ощущением чистоты.

Катя мылась в соседней кабинке. Слышно было, как она всхлипывает от облегчения, от нервного напряжения, которое наконец отпускало. Нормальный горячий душ, впервые за столько времени, вывел эмоции на новый уровень. Это было похоже на счастье, на конец какого-то безумного испытания, которое они прошли. И теперь можно было расслабиться.

Потом им выдали одежду. Серые хлопчатобумажные штаны, серая фуфайка на пуговицах, носки и мягкие тапки на войлочной подошве. Всё безразмерное, мешковатое, пахнущее стиральным порошком и стерилизатором. Но чистое, мягкое и теплое. Вадим натянул штаны, застегнул фуфайку, посмотрел на себя в мутное металлическое зеркало. Из отражения на него смотрел чужой человек. Осунувшийся, с ввалившимися глазами и щетиной, одетый в униформу. Вадим долго вглядывался в зеркало, но так и не узнал себя. Жизнь после катастрофы поменяла его слишком сильно.

– Пошли, – сказал мужик без маски, который их встречал. Теперь он переделался в обычную серую форму без знаков различия.

Их повели по коридору. Длинному, прямому, уходящему в бесконечность. Стены крашены серой краской, кое-где попадаются таблички с номерами и непонятными аббревиатурами. Лампы дневного света горят ровно, без мерцания. Вадим машинально считал шаги. Двадцать, сорок, шестьдесят. Коридор плавно сворачивал, открывая новый прямой отрезок.

Катя толкнула его локтем, показала глазами вниз. Пол. Металлический, с рифлением, чтобы не скользить. И теплый. Едва заметно, но приятно.

– Подогрев, – шепнула Катя, и в голосе её было детское удивление.

Конвоир обернулся на их шепот, глянул на них через плечо, усмехнулся чему-то своему.

Остановились у тяжелой двери. Стальная, герметичная, со смотровым окном, зарешеченным толстыми прутьями. Конвоир постучал условным стуком, дверь открыли изнутри. Пропустили внутрь.

Вадим шагнул и замер на пороге, как вкопанный. Катя, шедшая следом, врезалась в него и тоже остановилась.

Они стояли на смотровой площадке. Высоко. Очень высоко. Под ними, далеко внизу, раскинулся город.

– Твою мать, – выдохнул Вадим, не веря своим глазам.

Вадим смотрел вниз и не мог поверить. Это было невозможно, неправильно, но это было здесь, прямо перед ним.

Они стояли на балконе-галерее, опоясывающем огромный

подземный зал. Эскалаторы, освещение, витрины магазинов, деревья в кадках. Внизу, по широким улицам, ходили люди. Обычные люди – мужчины, женщины, дети. Кто-то нес пакеты с продуктами, кто-то вел за руку ребенка, кто-то просто стоял и разговаривал с соседом. Где-то играла тихая, ненавязчивая музыка. Женщина внизу остановилась у лотка с овощами, взяла в руки помидор, повертела его и положила обратно. Обычная, мирная сцена из той жизни, которую они похоронили месяц назад.

Катя рядом ойкнула и начала медленно оседать. Вадим едва успел подхватить её под мышки, удержать на подгибающихся ногах. Она повисла на его руке мертвым грузом, глядя вниз широко раскрытыми глазами.

– Вадим... – выдохнула она, с трудом ворочая языком. – Ты видишь?

– Вижу, – сказал он хрипло.

– Там люди. Они просто ходят и ничего не боятся.

– Вижу.

– Это... это точно правда?

Конвоир, тот, что снимал маску, тронул Вадима за плечо. Не грубо, а скорее участливо.

– Проходите. Насмотритесь еще. Здесь вам жить теперь.

Они пошли дальше. Точнее, пошли конвоиры, а Вадим с Катей, поддерживая друг друга, двинулись за ними, поминутно оглядываясь на открывшуюся панораму.

Еще коридоры. Еще двери. Лифт, который вез их куда-то

вглубь и вниз. Потом – жилая зона. Узкие, но чистые коридоры с десятками одинаковых дверей. Кое-где на стенах детские рисунки, прикрепленные скотчем. Из-за одной двери слышался плач ребенка, из другой – работающий телевизор.

Наконец их привели в комнату. Небольшая, но уютная. Две узких койки, заправленные серыми армейскими одеялами, стол, два стула, пластмассовый шкаф-купе. Окно, за которым всё то же искусственное небо и крыши нижних уровней.

– Ждите, – коротко бросил конвоир. – За вами придут. Не выходите пока.

Дверь закрылась. Щелкнул электронный замок.

Вадим опустился на ближайшую койку. Матрас пружинисто прогнулся под ним – мягко, непривычно мягко после ночевки на снегу. Катя стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу.

– Господи, Вадим, – сказала она тихо, не оборачиваясь. – Мы внутри. Мы смогли. Я не верю...

Он кивнул, хотя она не видела. В горле стоял ком, который мешал дышать.

Катя наконец отвернулась от окна, посмотрела на него. Глаза красные, распухшие, щеки мокрые от слез. Но она улыбалась. Впервые за последние дни – улыбалась по-настоящему.

– Живые, – сказала она, будто пробуя слово на вкус. – Мы живые, Вадим. Мы не замерзли. Нас не съели. Нас пустили,

и мы внутри.

Она подошла к нему, села рядом, прижалась, ткнулась лицом ему в грудь. Вадим обнял её, чувствуя, как она вздрагивает в такт всхлипам.

За окном светило искусственное солнце – огромные лампы под потолком купола. Внизу, как муравьи, ходили люди. Где-то заиграла та же тихая музыка – видимо, транслируемая по внутреннему радио.

Вадим сидел, обнимал Катю и смотрел в окно. Он знал: за всё надо платить. Таких подарков судьба не делает. Здесь, под землей, у этого рая должна быть своя цена. И он боялся даже думать о том, какова она.

Но сейчас, в эту минуту, ему было плевать. Пусть потом разбирается. Пусть потом платит. Сейчас было тепло, сухо, безопасно и рядом был живой, дышащий человек.

Так они сидели минут десять, а может, час – Вадим потерял счет времени. Просто сидели и смотрели на этот подземный город, привыкая к мысли, что они его часть.

Шаги в коридоре. Четкие, уверенные. Приближаются. Замирают у двери. Лязг открываемого замка.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина в серой форме, но без оружия, с пластиковым планшетом в руках. Лет пятидесяти, седой, с усталыми, но цепкими глазами.

– Ершов, Снегирева? – спросил он, заглядывая в свои бумаги. – Пойдемте. Инструктаж и оформление. Кузьмин ждет.

Вадим осторожно разжал руки. Катя вытерла глаза рукавом новой фуфайки, шмыгнула носом. Встала.

– Идем, – сказал Вадим.

Они пошли за человеком с планшетом. За спиной оставалась эта короткая минута покоя.

Глава 2

Кабинет, в который их привели, разительно отличался от жилой комнаты и стерильных коридоров. Здесь было по-деловому строго, даже мрачновато: металлический стол, заваленный бумагами, несколько стульев, компьютер на столе – Вадим давно не видел работающего компьютера. На стене – большая карта-схема подземного комплекса. Вадим успел разглядеть много уровней, переплетения тоннелей, огромные залы-резервуары. Надпись сверху: «Объект У-7. Проект «Орион»».

За столом сидел мужчина. Лет пятьдесят, лысоватый, в очках с простой металлической оправой. Одет в обычную клетчатую рубашку с закатанными рукавами, никакой формы. Перед ним – раскрытая папка с бумагами.

– Садитесь. Моя фамилия Кузьмин. – Он кивнул на стулья. Голос у него был усталый, сиплый, но спокойный, располагающий. Вадима это спокойствие насторожило еще больше.

Вадим сел, Катя рядом, тесно прижавшись плечом.

Кузьмин посмотрел на них поверх очков. Изучающе, но без враждебности. Потом открыл папку, полистал.

– Ершов Вадим Петрович. Тридцать восемь лет. Инженер-метростроевец, пятый разряд. Последнее место работы – «Тоннельстрой». – Он поднял глаза. – Солидный опыт.

Вадим промолчал.

– Снегирева Екатерина Алексеевна. Тридцать два года. Биолог, выпускница МГУ, специализация – ботаника. Работали в ботаническом саду? – он вопросительно посмотрел на Катю.

– Да, – ответила та тихо. – В оранжерее.

– Всё верно? – Кузьмин откинулся на спинку стула.

– Верно, – сказал Вадим. – Откуда у вас эти данные? И про метро, и про ботанический сад?

Кузьмин улыбнулся. Улыбка вышла усталой, даже грустной.

– У нас много данных, Вадим Петрович. Очень много. Вы числились в списках рекомендованных для эвакуации по линии гражданской обороны. Колосов Дмитрий Сергеевич успел передать информацию по спецсвязи перед тем, как... ну, вы знаете. – Кузьмин помолчал, давая им время осмыслить. – Колосов был хорошим специалистом.

Катя опустила глаза, сцепила пальцы на коленях.

– Что значит «рекомендованных»? – спросил Вадим, беря инициативу в свои руки. – Для чего?

Кузьмин снял очки, протер их специальной салфеткой. Движения его были неторопливыми, выверенными.

– Проект «Орион». Государственная программа сохранения населения. Подземный комплекс, рассчитанный на длительное, неограниченно долгое автономное существование. Пятьдесят тысяч человек – так задумывалось изначально. –

Он надел очки обратно. – Сейчас нас меньше. Тридцать пять тысяч двести восемнадцать человек, включая вас.

Катя выдохнула так, будто её ударили под дых. Вадим почувствовал, как внутри что-то ёкнуло, сжалось. Тридцать пять тысяч. Это не горстка выживших в лесах, это город. Подземный город с инфраструктурой, производством, своей жизнью.

– Мы искали выживших по старым спискам, – продолжил Кузьмин. – Рассылали поисковые группы, вели радиопередачи. Но связь с поверхностью давно потеряна, да и зима... Вы первые за последние два месяца, кто дошел до ворот и смог подать сигнал. Это плюс.

– Плюс к чему? – насторожился Вадим.

– К вашему статусу, – спокойно пояснил Кузьмин. – Здесь, внизу, всё регламентировано. Каждый человек – единица учёта, трудовой ресурс. От вашей специальности, состояния здоровья и поведения зависит, где вы будете жить, что есть, чем заниматься. Вы пришли сами, по спискам, и ваши профессии востребованы. Это дает вам право на отдельное жилье, работу по специальности, полный паёк. Но запомните главное, – он подался вперед, и взгляд его стал жестким, стальным. – «Орион» живёт и будет жить потому, что здесь есть порядок. Закон. Нарушение карается быстро, необратимо и, я бы сказал, безжалостно. Это не жестокость, это необходимость.

– Мы поняли, – быстро сказал Вадим. Катя молча кивну-

ла.

– Хорошо. Тогда остальное – формальности. – Кузьмин снова расслабился, откинулся на спинку. – Жилой блок семь, комната сто двенадцать – вас уже туда заселили. Завтра утром получите назначения в отделе кадров, внизу, на нулевом уровне. Первый месяц – испытательный срок. Не потому, что мы вам не доверяем, а потому, что надо проверить здоровье, психику, адаптацию.

– А если... не нормально? – решила спросить Катя.

Кузьмин посмотрел на неё долгим взглядом.

– Будем надеяться, что нормально. В противном случае... есть реабилитационный блок. Но поверьте, искренне рекомендую туда не попадать.

Он протянул им две пластиковые карточки. На одной стороне – фотография, сделанная, видимо, скрытой камерой ещё в шлюзе, на другой – магнитная полоса и чип.

– Пропуска. Они же – идентификаторы, они же – электронные кошельки. Это и паспорт, и ключ, и деньги. – Кузьмин усмехнулся своей шутке. – Про жилой модуль я вам уже сказал. Карта комплекса загружена в память чипа, можете посмотреть в любом инфокиоске. Вопросы?

– Сколько мы здесь пробудем, в смысле какие перспективы наверху?... – Вадим запнулся, подбирая слово.

Кузьмин пожал плечами. Жест был почти человеческим.

– Навсегда, Вадим Петрович. Выход на поверхность запрещён для всех категорий граждан. Исключение – специ-

альные научные или ремонтные экспедиции, но туда отбирают добровольцев, и возвращаются оттуда не все. Так что да, считайте, что навсегда. Перспективы не радужные, если вам интересно про климат.

Вадим переварил информацию. Кивнул.

– Понял.

– Тогда свободны. – Кузьмин махнул рукой в сторону двери. – Вас проводят. И ещё раз – добро пожаловать в «Орион».

Они встали. У самой двери Вадим обернулся.

– А вас как зовут? – спросил он. – Не по должности, а по имени.

Кузьмин удивился, но улыбнулся – на этот раз теплее, хотя в глазах мелькнуло что-то похожее на грусть.

– Сергей Иванович. Начальник отдела учёта и распределения. Если будут проблемы или вопросы – можете обращаться. Не обещаю, что решу, но точно выслушаю.

Они вышли. В коридоре их ждал молодой парень – тот самый, который уже мелькал в санпропускнике. Он улыбнулся им приветливо.

– Ну что, живы? Пойдемте, покажу, где тут что. А то заблудитесь в первый же день.

Пошли по коридору. Уже без конвоя с автоматами, просто шли втроем. По пути встречались люди – кто-то спешил по делам, кто-то просто шёл, разглядывая новеньких с любопытством. Любопытство было какое-то странное: не жад-

ное, а отстраненное, как у посетителей зоопарка.

– Меня Серёгой звать, – представился парень. – Работаю в отделе распределения, помогаю новеньким освоиться.

– Давно ты здесь вообще? – спросила Катя, с интересом разглядывая его молодое, почти мальчишеское лицо.

– С самого начала почти. – Серёга пожал плечами, буд-то речь шла о чём-то обыденном. – Родители привезли меня сюда, когда комплекс только запускали. Я теперь другой жизни и не знаю.

– И как тебе? – спросила Катя. – Не хочется наверх? Увидеть солнце, небо...

Серёга задумался, наморщил лоб.

– Не знаю. Сейчас рассказывают, что там холодно, ничего живого не осталось. Зачем мне туда? А здесь тепло, светло, еда есть, друзья. Вон, даже деревья в парке растут. – Он кивнул куда-то в сторону. – Нормально.

– А мы можем рассказать, – вдруг сказал Вадим. – Как там, наверху. Если вдруг интересно будет.

Серёга оживился, глаза заблестели:

– Расскажите? Правда? А то я только из рассказов и знаю, но рассказчиков сейчас мало. Вы за два месяца – первые.

– Расскажем, – пообещала Катя. – Холодно там, Серёжа. Очень холодно. И страшно.

Серёга кивнул, но в глазах мелькнуло что-то вроде любопытства охотника, впервые увидевшего диковинного зверя.

Они подошли к двери с номером 112. Серёга приложил

свою карточку, дверь щелкнула, открылась.

– Ваша. Обустраивайтесь пока. Через два часа ужин в общей столовой. Это на втором этаже, в центральном атриуме. Я зайду, провожу, а то с первого раза не найдете.

Он ушел, насвистывая какой-то мотивчик.

Они зашли в комнату. Катя сразу прошла к окну, уперлась ладонями в стекло.

– Тридцать пять тысяч человек, Вадим. Ты представляешь? Целый город под землей.

– Представляю.

– И мы теперь часть этого города.

Она отошла от окна, плюхнулась на койку, раскинула руки в стороны, уставилась в потолок.

– Горячая вода. Мягкая кровать. Чистая одежда. Еда по расписанию. Она засмеялась, нервно, но счастливо.

– Слушай, мы в раю. Мы правда в раю.

Вадим подошел к окну, посмотрел на искусственное небо. Где-то там, за этим светлым куполом, лежала настоящая земля. Мертвая, холодная, засыпанная снегом.

– Ага, – сказал он тихо. – В раю. Но в голосе чувствовалась тревога.

Он подошел сзади и обнял её. Волосы приятно пахли шампунем. Запах, который он почти забыл. Катя выдохнула и прижалась к нему щекой. Это было так похоже на какое-то простое, человеческое счастье, что она не выдержала и глаза снова наполнились слезами.

Шаги в коридоре. Приближаются. Стук в дверь.

– Это я, Серёга! Не спите?

– Не спим, – отозвался Вадим.

– Тогда пойдемте ужинать. А то опоздаете, столовая через час закрывается.

Катя отстранилась, вытерла глаза, поправила волосы, одернула казенную фуфайку.

– Идём.

Вышли. Серёга ждал, прислонившись к стене.

– Как комната? Не тесно? Если чего не хватает говорите. Уборка самостоятельно, инвентарь в конце коридора, в подсобке. График уборки у вас на двери висит.

– Понятно, – ответил Вадим.

Пошли тем же путем. Народу на лестницах и в коридорах прибавилось – видимо, смена закончилась, люди шли в столовые или по домам. На них поглядывали с любопытством.

– Новенькие? – спросил мужик в синей рабочей робе, столкнувшись с ними на лестничной площадке.

– Ага, – ответил Серёга. – С поверхности.

Мужик присвистнул, оглядел их с ног до головы, покачал головой и пошел дальше, бормоча себе под нос что-то вроде "чудаки...".

– Много нас таких было? – спросил Вадим. – С поверхности?

– Сначала много было, – ответил Серёга. – Потом все

меньше. Месяца два уже никого не было. Вы первые.

Катя сжала руку Вадима.

– А до нас много пришло? За всё время?

– Человек двести, наверное. Может, чуть больше.

– И все здесь?

Серёга замялся. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы Вадим насторожился.

– Не все. Кого-то в другие сектора отправляли. Кого то в реабилитационный сектор.

– Что там? – насторожился Вадим.

– Не знаю точно. – Серёга отвел глаза и прибавил шаг. – Туда отправляют тех, кто правила нарушает. Кто с головой не дружит. Кто буйный. Я не нарушаю, меня это не касается.

Говорил он спокойно, но Вадим уловил в голосе нотку осторожности. Тема, видимо, была скользкая.

Коридор оказался длиннее, чем Вадим думал сначала. Они вышли из комнаты, и Серёга повел их дальше, к центральной лестнице. Сначала лифт – спуск еще на один уровень вниз. Потом снова коридор, но теперь шире, с разноцветной разметкой на полу. Ярко-желтая линия вела куда-то вперед, зеленая сворачивала направо, синяя – налево.

– Для ориентации, – объяснил Серёга, заметив их взгляды. – Желтая линия – к жилым блокам и основным объектам. Зеленая – к столовым и зонам отдыха. Красная – к техническим помещениям, туда лучше без надобности не соваться. Синяя – в медблок и лаборатории.

– А ты сам где живешь? – спросила Катя, с интересом разглядывая таблички на стенах.

– В четвертом блоке. Там семейные в основном. У меня мама там, и младшая сестра.

– А мы в седьмом? – уточнил Вадим.

– Ага. Седьмой блок для новеньких и для временных. Нормально там, не хуже других. Условия везде одинаковые.

Вадим слушал вполуха, продолжая машинально считать шаги. Это стало привычкой там, наверху, когда каждый километр нужно было знать точно, чтобы рассчитать остаток топлива или сил. Коридор тянулся почти бесконечно. Стены из крашеного металла, редкие двери с номерами, таблички «Посторонним вход воспрещен», «Высокое напряжение», «Только для персонала». Лампы горели ровно, не мигая. Чисто. Стерильно, как в операционной.

Катя толкнула его локтем, отвлекая от подсчетов. Онглянул на неё. Она незаметно показала глазами вниз. Вадим прислушался к ощущениям, и вдруг понял, пол был чуть теплым. Едва заметно, градусов двадцать, наверное, но после минус двадцати на поверхности это ощущалось почти жаром.

– Здесь реально живут люди, – сказала Катя, и в голосе её было какое-то детское удивление.

Серёга, шедший впереди, обернулся и чуть заметно улыбнулся. Мол, да, здесь всё по-настоящему.

– Видел? – шепнула Катя, когда Серёга отвернулся.

– Ага.

– По-человечески улыбнулся.

– Присматривается, – ответил Вадим. – Мы для них ди-ковинка, как экспонаты с другой планеты.

Прошли мимо нескольких закрытых дверей. За одной вдруг отчетливо слышались голоса. Много голосов, звонкие, и смех. Детский смех. Катя замерла как вкопанная.

– Подожди, – выдохнула она, хватая Вадима за руку. – Дай послушать.

Из-за двери доносился шум настоящей жизни: топот маленьких ног, визг, смех, звонкий голос воспитательницы, пытающейся установить порядок.

– Слышишь? – спросила Катя, и глаза её наполнились слезами. – Они смеются, Вадим. Дети. Они просто смеются.

– Слышу.

– Вадим, там дети. Живые. Им тепло, их кормят, они играют. Как в нормальном, старом мире.

– Да, Кать. Я слышу.

Она всхлипнула, но сдержалась, не дала слезам пролиться. Вытерла глаза свободной рукой, глубоко вздохнула.

– Пошли. Не будем задерживать.

Они догнали Серёгу, который терпеливо ждал их у поворота, делая вид, что изучает какую-то табличку.

– Там детский сад, – объяснил он, кивая на дверь, когда они поравнялись.

– Здесь много детей? – оживилась Катя.

– Рождаются регулярно, – охотно ответил Серёга. – В мед-блоке целое родильное отделение есть, с реанимацией для новорожденных. Так что жизнь продолжается. Если надумаете вдруг... – Он смущенно кашлянул и отвел взгляд.

Щеки Кати покрылись густым румянцем, и она крепче прижалась к Вадиму. Он, почувствовав это, прижал её к себе, и в груди шевельнулось что-то забытое, теплое.

Коридор расширился, превратившись в широкую галерею с витринами по бокам. За толстым стеклом виднелись ряды стеллажей, заставленных ящиками, оборудованием, запчастями. Горел дежурный свет, гудели вентиляторы.

– Складские зоны, – пояснил Серёга. – Тут всё, от продуктов до запчастей для реактора. Если вам по работе что-то понадобится – пишете заявку в отдел снабжения. Выдадут, если есть.

– А если сломается что-то? – спросил Вадим, прикидывая масштабы хозяйства.

– Ремонтные бригады есть. Вы, кстати, туда пойдете, Вадим Петрович. – Серёга глянул в свой планшет.

– Откуда знаешь?

– В распределении висит приказ. – Серёга пожал плечами. – Вадим Петрович – в ремонтно-механические мастерские, слесарем-инструментальщиком. Екатерина Алексеевна – в биолaborаторию, младшим научным сотрудником.

Катя остановилась, перегородив дорогу.

– В лабораторию? Настоящую лабораторию?

– Ага. Вы ж биолог. У нас своя лаборатория есть, растениями занимается, селекцией. Гидропоника там, теплицы. Еду сами выращиваем. Ну и так, всякое. Я не очень разбираюсь.

Катя смотрела на Серёгу широко раскрытыми глазами.

– Спасибо, – сказала она тихо.

– За что? – искренне удивился Серёга.

– За то, что рассказали, – нашлась Катя и улыбнулась.

Подшли к широкой лестнице. Не металлической, как в технических зонах, а нормальной, бетонной, с перилами и резиновыми накладками на ступенях, чтобы не скользить. Вдоль стен в кадках стояли растения – настоящие, живые, зеленые. Вадим остановился возле одного, потрогал лист. Гладкий, прохладный, упругий.

– Фикус, – сказала Катя, подходя ближе. – Каучуконосный фикус. Я такие в оранжерее выращивала. Там целая аллея была...

– Центральная лестница, – мягко перебил её воспомина-ния Серёга, тронув за локоть. – Соединяет все жилые уровни между собой. Лифты – для грузов и администрации. Обыч-ным гражданам рекомендуется ходить пешком – полезно для здоровья и экономит электроэнергию.

Они поднялись на один пролет. Второй. Третий. На каж-дой площадке – двери, таблички с номерами блоков, указа-тели.

Вошли в большой зал. Столовая. Огромное помещение с высоким потолком, длинными рядами пластиковых столов,

раздаточной линией в торце. Человек триста сидели, ели, разговаривали, смеялись. Гул стоял, как на вокзале, но какой-то приглушенный, словно стены гасили лишние звуки.

Взяли подносы, настоящие алюминиевые подносы, как в советских столовых, – встали в очередь. Двигалась она быстро, народ брал еду и рассаживался.

– Здесь по карточкам, – объяснил Серёга. – На раздаче прикладываете к терминалу, он списывает норму. Норма у всех одинаковая, но если работаешь на вредном производстве, добавка идет.

Подошла их очередь. Вадим приложил карточку к считывателю – терминал пискнул зеленым. Женщина в белом халате и косынке положила ему полный поднос: тарелка супа, пюре с котлетой, стакан компота, кусок хлеба. Кате то же самое.

Сели за свободный стол. Катя смотрела на поднос, не веря своим глазам.

– Это всё нам?

– Нам конечно.

– Можно есть?

– Можно. Ешь давай.

Она взяла ложку, зачерпнула суп, горячий, наваристый, с кусочками мяса. Поднесла ко рту, зажмурилась. Проглотила.

– Горячий, – сказала она с каким-то благоговением. – Вадим, он настоящий и горячий, и очень вкусный.

И тут её прорвало. Она заплакала – тихо, без всхлипов,

просто слёзы текли по щекам и капали в тарелку. Она не вытирала их, продолжала есть, перемешивая слёзы с супом.

– Ешь Катя, хватит плакать, мы это заслужили. – повторил Вадим, чувствуя, как у самого першит в горле.

Она кивнула, вытерла лицо рукавом, взяла ложку снова.

Вадим оглядел зал. Люди ели, разговаривали, смеялись. Обычная столовая, обычный вечер. Слишком спокойно, слишком правильно, слишком обыденно для места, где люди переживают конец света.

Но сейчас он тоже ел. Горячий суп, пюре, котлету – простую, но вкусную. Чувствовал, как тепло разливается по телу, заполняя пустоту, которая, казалось, была там всегда.

– Вкусно, – сказала Катя, зажмурив от удовольствия глаза.
– Вадим, как же вкусно.

Он кивнул, не в силах говорить.

Вкусно. Тепло. Спокойно.

После ужина Серега повел их обратно.

Коридор седьмого блока отличался от стерильных переходов. Здесь было обжито: на стенах висели объявления, графики дежурств по уборке, какие-то детские рисунки, приколотые кнопками. Вадим невольно замедлил шаг возле одного. Корявый домик, кривое солнце с лучами, человечки палочками.

– Местные художники, – усмехнулся Серёга. – Детям разрешают рисовать, стены красить нельзя, так они на бумаге. Потом родители на стену вешают.

Катя долго смотрела на рисунок. Потом перевела взгляд на Вадима. В глазах её стояли слёзы, но она улыбалась.

– Нормально всё, – тихо сказал Вадим. – Идём.

– Вот ваши апартаменты. Обустраивайтесь, отдыхайте. И не забудьте карточки, они нужны везде, и для прохода, и для оплаты еды. Так что всегда держите их при себе.

Он ушел, а они зашли в комнату. Вадим сразу прошел к окну, выглянул. Внизу, под искусственным небом, лежал город. Кварталы домов, аккуратные улочки, деревья в скверах. По улицам ходили люди, где-то ехала маленькая электромашинка – похоже, служебная.

– Ни хрена себе, – выдохнул Вадим, прилипая к стеклу. – Реально город. Настоящий город.

Катя подошла, встала рядом. Прижалась лбом к прохладному стеклу, сложила ладони козырьком, чтобы не отсвечивало.

– Это не сон? – спросила она. – Скажи мне честно, это не сон?

– Не сон, Кать.

– Мы правда здесь? Правда выжили?

– Правда.

Она долго молчала, разглядывая открывшуюся панораму. Потом отошла от окна, села на койку. Провела ладонью по одеялу. Мягкое, чистое, пахнет свежестью и, кажется, легкой хлоркой – следы обработки.

– Вадим, – позвала она.

– А?

– У нас есть кровать. Настоящая кровать с матрасом и подушкой.

– Есть.

– И горячая вода в душе.

– Есть.

– И работа. И еда. И люди вокруг.

– Всё есть.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Я боюсь, что это кончится. Что нас разбудят. Или выгонят. Или это всё мираж.

– Не кончится. Мы здесь, – твёрдо сказал Вадим, хотя сам не был до конца уверен в своих словах. – Нас никто не будит. Это реальность.

– Ты уверен?

– Уверен.

Она встала, подошла к нему, прижалась, уткнулась лицом в плечо. Вадим обнял её, чувствуя, как она дрожит – уже не от холода, а от перенапряжения последних дней.

– Я так устала бояться, Вадим. Так устала.

– Знаю.

– Я хочу просто жить. Как раньше. Ходить на работу, готовить ужин, спать в тепле. Хочу забыть тот холод, тот ужас.

– Забудешь, – пообещал Вадим, хотя сам не верил, что такое можно забыть.

В динамике над дверью что-то щелкнуло, и заиграла му-

зыка. Тихая, спокойная мелодия, что-то из старых советских фильмов.

– Хорошая песня, – сказала Катя, вслушиваясь.

– Ага.

Они сидели молча, обнявшись, слушали музыку и смотрели на искусственный город внизу.

Глава 3

Катя перед сном прошла в душ, это была маленькая кабинка, совмещенная с туалетом. Вадим слышал, как шумит вода, как она возится там, и чувствовал невероятное, давно забытое спокойствие. Он сидел на койке, смотрел в окно на вечерний город. Искусственное солнце погасло, теперь под потолком купола горели мягкие желтоватые лампы, имитирующие закат. В домах зажигались огни. Обычные, теплые, желтые. Кто-то в соседнем блоке задернул штору. Где-то далеко внизу, в парке, зажглись фонари. Вадим поймал себя на мысли, что не может отвести взгляд – слишком долго он видел только серое небо и снег.

Вышла Катя. В казенной пижаме, с мокрыми волосами, покрасневшая после душа. Совсем другая – не та замерзшая женщина, с которой они тащились через снег. С которой пережили столько всего. В ней снова проступило что-то от прежней Кати, той, которую он встретил когда-то в подъезде и которая теперь стояла перед ним, живая и настоящая.

– Твоя очередь, – сказала она.

Вадим пошел в душ. Горячая вода лилась щедро, без экономии. Он стоял под тугими струями, смывая с себя грязь и усталость, и думал.

Тридцать пять тысяч человек. Подземный город с детьми, школами, столовыми, работой. Реактор, который дает энер-

гию. Лаборатории, где выращивают еду. Система рециклинга воздуха и воды. Кто-то построил это всё задолго до того, как мир рухнул. Кто-то знал или, по крайней мере, подозревал, что так и будет. И что убежище такого формата обязательно понадобится.

Он вышел из душа, вытерся жестким казенным полотенцем, натянул пижаму. Катя уже лежала на своей койке, укрывшись одеялом, и смотрела в потолок. Глаза у нее были странные – расширенные зрачки, как после сильного потрясения.

– Вадим, – позвала она.

– А?

– Иди сюда.

Он подошел, сел на край её койки. Она взяла его за руку. Ладонь у нее была горячей, влажной.

– Я боюсь засыпать, – призналась она. – Боюсь, что проснусь там, на снегу. Что это всё сон.

– Не бойся. Не проснешься.

– Ты не знаешь.

– Знаю. – Он сжал её руку. – Хочешь, я тут посижу с тобой?

– Хочу. Посиди.

Он сидел, держа её за руку, пока дыхание её не стало ровным и глубоким. Катя уснула. Вадим осторожно высвободил руку, поправил на ней одеяло, пошел на свою койку.

Лег, закрыл глаза.

Перед внутренним взором встали ворота. Красный глаз камеры. Открывающиеся створки. Город под землей.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Сомнения не давали покоя, и Вадим решил, что завтра надо будет узнать, чем здесь платят за тепло и еду. Найти слабые места, понять правила. Слишком здесь хорошо, а внутреннее чутье постоянно говорило ему – не расслабляйся.

Но сейчас – спать. Спать в тепле, на мягкой койке, под чистым одеялом.

Вадим провалился в сон без сновидений. Тепло и безопасность сделали свое дело. Он не спал так крепко уже очень давно.

Утром их разбудил динамик над дверью. Бодрый женский голос объявил подъем, передал прогноз погоды на поверхности (минус двадцать один, ветер, метель) и напомнил, что сегодня рабочий день.

Катя села на койке, спросонья хлопая глазами. Вадим уже был на ногах – привычка вставать быстро, без раскачки, въелась в кровь.

– Доброе утро, – сказал он.

– Доброе? – переспросила Катя. Потом до неё дошло. – Доброе. Господи, какое же оно доброе.

Она улыбнулась. Улыбка вышла робкой, неуверенной, но очень живой.

В дверь постучали. Вошел Сергей, как всегда свежий и бодрый, с планшетом в руках.

– С добрым утром! – поздоровался он. – Как спалось на новом месте?

– Отлично, – ответил Вадим. – Спасибо.

– Тогда собирайтесь, сейчас пойдем в отдел кадров, получите назначения. Потом я провожу вас на рабочие места. А вечером после работы сможете погулять, осмотреться.

Они быстро оделись, привели себя в порядок. Вадим взглянул в металлическое зеркало – сегодня отражение нравилось ему больше. Щеки чуть порозовели, глаза не такие дикие.

Когда они вышли, коридоры уже жили своей утренней жизнью. Люди спешили на работу, кто-то бежал с кружкой кофе, кто-то тащил за руку сонного ребенка в детский сад. Вадим ловил на себе быстрые, скользящие взгляды. «Новенькие, с поверхности» – это читалось в них, в их одежде, в их неуверенных движениях. Местные двигались иначе – плавно, экономно, без лишних жестов. У них не было той дикой настороженности, что въелась в плоть Вадима и Кати. Они просто жили в своем мире и не оглядывались по сторонам в поисках угрозы.

Отдел кадров оказался в административном блоке, на нулевом уровне. Небольшой кабинет с несколькими окнами, за которыми виднелись жилые кварталы. За столом сидела женщина лет сорока, в строгой серой блузке, с очками на носу. Перед ней стоял монитор старого образца, толстый, с зеленоватым экраном. Женщина печатала двумя пальцами, сосредоточенно глядя на клавиатуру.

– Здравствуйте. Ершов и Снегирева? – спросила она, све-
ряясь с монитором. – Проходите, присаживайтесь.

Они сели. Женщину звали Нина Петровна. Она быстро пробежалась глазами по их личным делам на экране. Вадим заметил, что бумаги у них здесь не в ходу – всё в компьютере, в базах данных.

– Значит так, Вадим Петрович. Вы направляетесь в ремонтно-механические мастерские. Это второй уровень, сектор Восемнадцать-Б. Слесарь-инструментальщик, пятый разряд. Рабочий день с девяти до восемнадцати, обед с тринадцати до четырнадцати. Выходные – по скользящему графику, один выходной в неделю. Оплата по разряду, плюс надбавка за вредность. Вопросы?

– Есть, – сказал Вадим. – Что значит «оплата»? У нас же тут всё вроде бесплатно?

Нина Петровна улыбнулась. Улыбка у нее была профессиональная, отточенная годами работы с новичками.

– Бесплатно только сыр в мышеловке, молодой человек. У нас внутренняя экономика. За работу вы получаете кредиты на карточку. На них можно купить дополнительные продукты в магазине, одежду, предметы быта, услуги. Базовый паёк и жильё, конечно, бесплатны. Остальное зависит от специфики профессии и труда.

– Понял, – кивнул Вадим. – Спасибо.

– Екатерина Алексеевна. – Нина Петровна повернулась к Кате. – Биолaborатория, уровень минус три, сектор Два.

Младший научный сотрудник. График такой же, оплата по грейду. Завтра с утра – медосмотр, потом допуск в лабораторию.

– Спасибо, – тихо сказала Катя.

– Вот ваши временные пропуска. – Нина Петровна протянула им новые карточки, чуть отличающиеся цветом. – Завтра, после медосмотра, получите постоянные. Серёжа вас проводит. Удачи вам.

Они вышли из кабинета. Серёга ждал в коридоре, разглядывая какие-то объявления на стене. Вадим мельком глянул – список утерянных вещей, график уборки, объявление о собрании жильцов блока семь.

– Ну что? Всё оформили? – спросил Серёга.

– Всё, – ответил Вадим. – Теперь нужно до работы идти.

– Тогда пошли. Сначала ремонтные мастерские, это ближе. А потом в лабораторию.

Мастерские оказались огромным цехом, заставленным станками, верстаками, стеллажами с инструментом и запчастями. Гудели моторы, пахло маслом и металлом. Рабочие в синих робах сновали между станками, что-то точили, сверлили, варили. Воздух здесь был тяжелым, насыщенным аэрозолями, мощная вытяжка под потолком едва справлялась.

Их встретил мастер, грузный мужчина лет пятидесяти, с прокуренными усами и тяжелым взглядом. Звали его Степаныч.

– Новенький? – спросил он, оглядывая Вадима. – С по-

верхности, говорят?

– Оттуда, – подтвердил Вадим.

– Метростроевец?

– Был.

– Ну, у нас тут, конечно, не метро, но работы хватает. – Степаныч махнул рукой в сторону цеха. – Точить, сверлить, чинить. Справишься?

– Справлюсь.

– Хорошо, посмотрим. Давай сегодня осмотришься, а завтра к девяти – на работу. Серёга покажет, где раздевалка ну и все остальное.

Вадим оглядел цех. Станки старые, но ухоженные. Люди работают молча, сосредоточенно. Никто не смотрит на новичка – то ли заняты, то ли нарочно не смотрят.

Закончив с мастерской, пошли в лабораторию. Туда спустились на лифте глубоко вниз, на минус третий уровень. Здесь воздух был теплее и более влажный, пахло землей, растениями и еще чем-то неуловимо химическим – удобрениями или стерилизаторами.

Их встретила молодая женщина в белом халате, с короткой стрижкой и умными, чуть усталыми глазами. Взгляд у нее был цепкий, оценивающий.

– Снегирева? – спросила она. – А я – Марина, завлабораторией. Пойдемте, покажу наше хозяйство.

Она провела Катю через шлюз в огромное помещение, залитое ярким светом. Вадим замер на пороге – ему, как по-

стороннему, туда вход был заказан.

Это была оранжерея. Настоящая, огромная оранжерея. Ряды стеллажей с зелеными ростками, системы автополива, лампы дневного света. Здесь росло всё – от салата и огурцов до каких-то экзотических растений с широкими листьями. Воздух дрожал от влажности и тепла, на стеклах кое-где выступил конденсат.

– Господи, – выдохнула Катя. – Это же...

– Наше хозяйство, – с гордостью улыбнулась Марина. – Кормим весь комплекс. Пойдемте, я покажу вам ваше рабочее место.

Катя улыбалась совершенно счастливой улыбкой. Глаза её сияли, но в глубине их было что-то еще – благоговение? Она смотрела на этот искусственный сад как верующий на икону.

– Боже мой, – сказала она тихо. – Я наконец-то дома.

И впервые за долгое время она поверила, что всё действительно будет хорошо. И тут же поймала себя на мысли, что вера эта какая-то хрупкая, как стебель той самой гидропонной пшеницы.

Вечером они снова ужинали в столовой. Катя рассказывала про лабораторию – взалхлеб, счастливая, помолодевшая.

– Там такие технологии, Вадим! Гидропоника, аэропоника, светокультура. Они тут даже клубнику выращивают! Настоящую клубнику! Представляешь, через месяц мы будем есть свежую клубнику. В подземелье!

– А ты что будешь делать?

– Мне дали участок с лекарственными травами. Восстанавливать коллекцию, подбирать режимы. Это же моя тема! То, чем я всегда занималась. Марина говорит, у них большой потенциал, но не хватает рук и знаний. А у меня как раз диплом по фитохимии.

Вадим слушал её и чувствовал, как отпускает напряжение последних месяцев. Катя снова становилась той, кого он встретил когда-то, – живой, увлеченной, красивой. Щеки у нее порозовели, глаза блестели. Она даже есть стала больше, тарелку с кашей умяла за минуту.

– А у тебя как? – спросила она, выдохшись.

– Нормально. Мастерская как мастерская. Работать можно. Станки старые, но в очень хорошем состоянии. Люди правда какие-то молчаливые.

– Здесь все молчаливые, – заметила Катя. – Я по коридору шла – никто не поздоровался. Смотрят в сторону. Может, это пока? Пока мы новенькие?

– Может быть, – пожал плечами Вадим.

– А Серёга ничего. Нормальный.

– Серёга – провожатый. Ему за улыбку, может, и не платят, но работа у него такая – быть приветливым.

Катя засмеялась. Легко, свободно. Вадим давно не слышал ее смеха.

– Вадим, – она взяла его за руку. – Мы справились. Мы выжили.

– Выжили, – согласился он.

В этот вечер они долго сидели в столовой, пили чай с каким-то подобием печенья и слушали, как вокруг шумит обычная, мирная жизнь. За соседним столиком семья с двумя детьми ужинала – мать уговаривала дочку есть суп, отец читал газету. Обычные люди. Обычная жизнь.

А потом пошли в свою комнату, в свой уголок этого подземного рая.

Ночью Вадим лежал на койке и смотрел в потолок. Катя спала, тихо посапывая. За окном горели огни искусственного города, кто-то еще не ложился, гулял по парку, сидел в кафе. Вадим видел, как по аллее прошла парочка, обнявшись. Девушка смеялась, парень что-то рассказывал.

Он думал о том, что за всё надо платить. Что у этого рая должна быть своя цена. Что тридцать пять тысяч человек не могут жить вечно под землей, питаюсь гидропоникой и дыша регенерированным воздухом. Что ресурсы не бесконечны, системы изнашиваются, люди стареют и болеют.

Но сейчас, слушая дыхание Кати, чувствуя тепло и безопасность, он решил: будь что будет. Плату возьмут потом. А сейчас нужно жить. Или хотя бы прийти в себя после всего, что случилось.

Завтра на работу. В мастерскую. К станкам. К нормальной жизни.

Он закрыл глаза и уснул, спокойно, без кошмаров.

Они шли по коридору уже минут десять. Вадим сбился

со счета шагов где-то после двухсот. Коридоры петляли, разветвлялись, уходили вверх и вниз короткими лестничными пролетами. Стены здесь были окрашены в бледно-зеленый, под цвет больничных коридоров, но краска местами облупилась, обнажая серый бетон. Под ногами – металлические листы, гулко отдающие эхо шагов. Каждый шаг отзывался громким лязгом, который уносился вдаль и терялся в лабиринте переходов.

Серёга вел уверенно, даже не глядя на указатели. Он двигался с ленивой грацией человека, который знает каждый сантиметр этого места. В какой-то момент Вадим заметил, что Серёга ступает почти бесшумно, подошвы его ботинок касаются металла без единого звука. Привычка, выработанная временем, проведенным здесь.

– Лабиринт тут у вас конечно, – сказал Вадим, когда они в очередной раз свернули направо и он окончательно потерял ориентацию.

– Ага. Специально так строили. На случай диверсий или прорыва. Чтоб враг запутался. – Серёга усмехнулся через плечо. – Привыкнете. Я вчера вас по другому пути провел, а так вам здесь придется ходить. Через месяц будете с закрытыми глазами ориентироваться. Главное – цветные полосы на стенах запомнить. Красная – в техзону, синяя – в жилую, зеленая – в административную.

Катя шла молча, но уже не настороженно, а с любопытством смотрела по сторонам, пыталась запомнить символы

на дверях, цветные полосы на стыках стен. На одной из дверей она заметила табличку «Склад №7, класс Герметичности Б». За ней была еще одна, с предупреждением на красном фоне: «Вход только в средствах защиты». Рядом на стене висел громкоговоритель – старый, советского образца, с проржавевшей сеткой. Вадим представил, как этот динамик однажды заговорит, приказывая всем немедленно проследовать в укрытия. Параноя его никак не отпускала.

– Долго еще? – спросила Катя, чувствуя, как от долгой ходьбы начинают гудеть ноги. Сказывались месяцы недоедания.

– Нет. Сейчас подойдем к смотровой площадке. Это обязательно. Всех новых туда водят. – Серёга сбавил шаг. – Шок-терапия, чтобы поняли, где оказались.

Коридор закончился тяжелой дверью. Массивной, герметичной, с круглым штурвалом, похожим на корабельный, и маленьким смотровым окошком из толстого, пуленепробиваемого, судя по виду, стекла. От двери веяло холодом и надежностью. И еще чем-то неуловимо угрожающим. Такие двери ставят там, где действительно есть что охранять.

Серёга остановился, поправил форму. Лицо его стало серьезным.

– Сейчас. Готовьтесь. – Он подошел к двери, постучал костяшками пальцев в бронированную сталь – три коротких, два длинных, пауза, еще один короткий. Код.

С той стороны лязгнуло, заскрежетало. Дверь приоткры-

лась ровно настолько, чтобы в щель мог протиснуться человек. Выглянул мужик в форме, но не такой, как у Серёги, а более темной, с нашивкой службы безопасности на рукаве. Глаза у мужика были цепкие, профессиональные. Такие глаза Вадим видел у сталкеров на поверхности – они не моргали подолгу и смотрели так, будто просвечивали тебя насквозь. Мужик окинул Вадима и Катю быстрым взглядом, задержался на секунду дольше на Кате, потом кивнул Серёге.

– Проходи, – сказал он. Голос у него был низкий, прокуренный. – Только быстро.

Серёга пропустил Катю вперед, слегка подтолкнув ее в плечо:

– Заходите. Не бойтесь, стекло прочное.

Катя подошла к окошку, заглянула внутрь. И замерла, превратившись в статую.

Вадим шагнул к ней, аккуратно отодвинул плечом, боясь, что ей стало плохо, заглянул сам.

У него ноги приросли к полу. Рука сама собой вцепилась в холодный металлический косяк.

Глава 4

За стеклом, далеко внизу, под огромным, уходящим в бесконечность куполом, раскинулся город. Самый настоящий город. Не просто квартал или несколько улиц, а именно город. Купол, чуть мутноватый от времени и, возможно, от миллионов выдохов, уходил вдаль настолько, что его противоположная стена терялась в легкой искусственной дымке. Под ним, на глубине нескольких этажей вниз, кипела жизнь: причудливая сеть улиц и перекрестков, аккуратные многоэтажные дома с настоящими окнами, балконами, крылечками. Кое-где на балконах висело белье – обычные простыни, полотенца. Кто-то даже выставил на подоконник цветы в горшках. Между домами – деревья. Много деревьев. Они росли прямо в земле, в огромных кадках, установленных в полах. Вадим разглядел раскидистые березы с белыми стволами, пушистые ели, кусты сирени. Ветви слегка покачивались – откуда-то дул ветер, настоящий ветер, созданный мощными вентиляторами.

По улицам, освещенным мягким светом, ходили люди. С сумками, с детскими колясками, с собаками на поводках. Кто-то сидел на скамейках, читал книгу. Девушка на велосипеде проехала по велодорожке, звякнула звонком, обгоняя мужчину с газетой. Мальчишки гоняли мяч на площадке.

А над всем этим великолепием – небо. Голубое, с лег-

кой, чуть розоватой дымкой, с пушистыми кучевыми облаками. Такое настоящее, что Вадим на секунду поверил – они поднялись на лифте на поверхность. Что сейчас откроется дверь, и они выйдут в настоящий парк, под настоящее солнце. Но нет. По краям купола он заметил едва заметную рябь – свечение светодиодных панелей, которые и создавали эту иллюзию. И облака двигались слишком правильно, слишком плавно, по идеальному кругу.

– Твою мать... – выдохнул Вадим. Воздух из легких вышел со свистом.

Катя рядом всхлипнула и начала медленно оседать. Вадим едва успел подхватить её, прижал к себе, чувствуя, как она мелко дрожит. Дрожь эта передавалась ему, и он понял, что сам трясется – то ли от холода, то ли от нервного потрясения. Скорее, второе.

– Там... – прошептала она, уткнувшись ему в куртку. – Там город, огромный город. Дома. Деревья... трава, наверное...

– Вижу. Я всё вижу.

– Это правда? – Она подняла на него мокрые глаза. – Это возможно – построить такое?

– Правда. Тот, кто это спроектировал, – гений.

Серёга подошел, встал рядом, засунув руки в карманы. Он смотрел на них с понимающей полуулыбкой, но в глазах у него Вадим заметил что-то другое – усталость, может быть, или обреченность.

– Красиво, да? Я когда первый раз увидел, тоже чуть сознание не потерял. Думал, галлюцинации. – Он помолчал, любуясь открывшимся видом. – Обычный город, наверное, так и выглядел когда-то.

– Сколько здесь людей? – спросил Вадим, не в силах оторвать взгляд.

– Сейчас? Примерно тридцать пять тысяч душ. Вообще, говорят, рассчитано тысяч под пятьдесят, но... – Он не договорил. Вадим и не стал уточнять.

Катя отстранилась от Вадима, дрожащей рукой вытерла лицо. Потом снова прильнула к окошку, впитывая детали. Вадим видел, как она считает этажи домов, как провожает взглядом прохожих, как задерживается на детских площадках, парках.

– А можно туда? В этот город? Спуститься? – спросила она, и в голосе её была такая жадная надежда, что у Вадима защемило сердце.

– Можно. Это общая зона. Жилые кварталы, магазины, кафе даже есть. У вас вид из окна, кстати, туда же выходит. Но вид, конечно, не такой. У вас максимум пару улиц видно.

– У нас... да. – Катя запнулась.

– Ага. Седьмой блок, где ваша комната, он как раз выходит на центральный парк. Так что любуйтесь на здоровье.

Катя закрыла глаза. По щекам снова потекли слёзы, но она улыбалась. Светилась изнутри. Вадим смотрел на нее и понимал: для нее этот город – возвращение к жизни. Для него

пока что – лишь передышка.

– Вадим, – сказала она тихо. – Ты слышишь?

– Что?

– Тишину. Она здесь другая. Не мертвая, как там, наверху, а приятная.

– Да, – сказал он, прислушиваясь к гулу вентиляции, который здесь, наверху, казался почти музыкой. – Слышу.

Он обнял её за плечи, чувствуя, как сквозь одежду передается её тепло.

Она еще постояла, глядя на открывшуюся панораму, потом глубоко вздохнула и кивнула:

– Ладно, идем, пока не опоздали.

Серёга постучал в дверь условным стуком, мужик в форме открыл, выпустил их обратно в технический коридор, и дверь за ними с лязгом захлопнулась. Звук был неотвратимым, как захлопывающаяся крышка гроба. Вадим невольно вздрогнул.

– А что там, за городом? – спросил Вадим, когда они пошли дальше, все еще находясь под впечатлением.

– Технические зоны. Самое сердце комплекса. Электростанция, очистные сооружения, склады, мастерские, фермы. Жилые блоки – они как раз по периметру идут, кольцом.

– А давно комплекс закрылся? – спросил Вадим.

– Шестой месяц пошел, – задумчиво ответил Серёга, сворачивая в другой коридор. – Ровно пять месяцев с момента последнего закрытия шлюзов.

Вадим быстро прикинул в уме. Они с Катей бродили по поверхности и метро примерно три-четыре месяца. Значит, комплекс закрылся, когда они еще даже в метро не спустились. Все это время здесь текла своя жизнь. Рождались дети, умирали старики, работали заводы.

– А почему позже не открывали? Для тех, кто выжил наверху? – спросила Катя. – Были же какие-то списки, радио?

– Протокол, – коротко ответил Серёга. – Никого не впускать после герметизации. Риск заражения, риск лазутчиков и бунтов, риск всего сразу. А потом, когда поняли, что ресурсов хватит, начали по спискам работать. Поисковые запросы, в основном по радио.

– По спискам, – задумчиво повторила Катя. – Нас, значит, нашли в каком-то списке?

– Ага. Повезло вам. Не всем так везет.

Подошли к лифту. На этот раз пассажирскому, с зеркалами в полный рост и полированными поручнями. В зеркалах Вадим увидел свое отражение – осунувшееся, бледное лицо, темные круги под глазами. Рядом – Катя, тоже бледная, но с горящими глазами.

– Нам наверх, в административный сектор.

Зашли. Лифт плавно поехал вверх. Вадим смотрел на бегущие цифры этажей. Минус третий, минус второй, минус первый. Ноль. Плюс первый. Плюс второй. Лифт мягко остановился.

– Приехали.

Вышли. Коридор разительно отличался от нижних уровней. Здесь была ковровая дорожка бордового цвета, на стенах висели растения в кадках, причем живые. Воздух пах свежестью и легким ароматизатором – что-то цветочное, ненавязчивое.

– Административный уровень. Тут кабинеты начальства, архив, связь. Красота, да?

Серёга подвел их к двери из светлого дерева с аккуратной табличкой «Отдел учёта и распределения». Постучал:

– Сергей Иванович, привел новеньких.

– Заходите, – донеслось изнутри.

Зашли. Кабинет оказался небольшим, но уютным: стол, несколько стульев для посетителей, компьютер на столе, шкаф с разноцветными папками. На стене висела подробная карта-схема комплекса – вся эта сеть коридоров, уровней, секторов. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, лысоватый, в очках в тонкой металлической оправе. Перед ним лежала раскрытая папка.

– Садитесь, – сказал он, не поднимая глаз.

Сели. Мужчина поднял на них взгляд поверх очков, внимательно изучил лица, сверяясь с фотографиями в папке. Вадим поймал себя на мысли, что этот взгляд – сканирующий, оценивающий, как у рентгена. Кузьмин смотрел не столько на людей, сколько на единицы учета.

– Ершов Вадим Петрович, Снегирева Екатерина Алексеевна. Всё верно?

– Верно, – ответил Вадим.

– Мы с вами уже знакомы, Кузьмин Сергей Иванович. Начальник отдела учёта. Буду курировать ваше оформление и дальнейшую интеграцию. – Говорил он ровно, буднично, без лишних эмоций. Голос уставшего бюрократа, который видел тысячи таких, как они.

– Вы прошли первичную обработку, получили временные карточки. Теперь – официальная часть. Ваши фамилии в списке рекомендованных к заселению. Это дает вам право на постоянное жильё, питание, медицинское обслуживание и трудоустройство по специальности. Взамен вы обязуетесь соблюдать правила внутреннего распорядка и выполнять установленные трудовые нормы.

– Какие именно правила? – уточнил Вадим.

Кузьмин открыл ящик стола, достал две тонкие брошюры в синих обложках, протянул им:

– Здесь всё изложено достаточно подробно. Основное, что нужно знать на первых порах: не нарушать общественный порядок, не вступать в конфликты с другими резидентами и персоналом, беспрекословно выполнять распоряжения администрации и службы безопасности. И, конечно, соблюдать трудовую дисциплину.

Вадим пролистнул брошюру. Параграфы, пункты, подпункты, примечания. Обычный устав закрытого учреждения. Но в каждом параграфе чувствовалась сталь.

– А если вдруг нарушу? – спросил он прямо, глядя в глаза

Кузьмину.

Кузьмин посмотрел на него в ответ. Взгляд его стал жестче, профессиональнее. Исчезла усталость, осталась только холодная расчетливость.

– Молодой человек, поймите одну простую вещь. Порядок здесь – это не прихоть начальства. Это залог выживания всех нас. Ресурсы ограничены, хоть мы их и восполняем, пространство ограничено, воздух ограничен. Любое нарушение – это угроза для системы. Поэтому наказание за серьезные проступки следует быстро и... необратимо.

– Что значит «необратимо»? – тихо спросила Катя, чувствуя, как от этого будничного тона по спине пробежал холодок. Она инстинктивно сжала подлокотники стула.

– То и значит, Екатерина Алексеевна. У нас нет тюрем и следственных изоляторов. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Тот, кто представляет реальную угрозу для безопасности других жителей или для работы комплекса, подлежит... немедленной изоляции. Реабилитационный сектор. Оттуда, – он сделал паузу, снял очки и протер их специальной салфеткой, – не возвращаются.

Сказано это было настолько обыденно, буднично, почти скучно, что Вадим понял окончательно и бесповоротно: этот человек не шутит. Ни капли. Он не злодей и не садист – он просто винтик в системе, которая давно отладила механизм

удаления неисправных деталей.

– Поняли, – твердо сказал Вадим. – Никаких нарушений.

– Хорошо, что понимаете с первого раза. – Кузьмин снова заглянул в папку. – Теперь о работе. Вы, Ершов, уже знаете, пойдете в ремонтные мастерские на четвертый уровень. Инженер-механик, третья категория. Испытательный срок – один месяц. По истечении – аттестация и, возможно, повышение разряда. Вадим молча кивнул.

– Вы, Снегирева, в биологическую лабораторию на третий уровень. Младший научный сотрудник. Испытательный срок тот же. Лаборатория занимается поддержанием замкнутой экосистемы комплекса. Насколько я понимаю из вашего личного дела, это как раз ваша специализация.

– Уже были там? Познакомились?

– Да. Завтра сказали приступать. – Катя подалась вперед.

– Вот и ладненько. Ровно в восемь ноль-ноль. Опоздания наказываются лишением пайка.

Кузьмин достал из ящика стола две пластиковые карточки, такие же, как временные, но с фотографиями и голограммами.

– Постоянные пропуска. Не теряйте. Восстановление занимает месяц, и лишаетесь половины пайка. И это еще в лучшем случае.

Вадим взял карточку, повертел в руках. Фотография на удивление удачная, хотя делали явно на автомате. Он сам се-

бе на фото не нравился, слишком серьезный, слишком напряженный.

– Можете быть свободны. Ваш провожатый выведет. И да, – добавил он, когда они уже встали. – Добро пожаловать в убежище. Надеюсь, вы здесь приживетесь.

У самой двери Вадим обернулся.

– Сергей Иванович, а скажите... Вместимость комплекса должна была быть пятьдесят тысяч, верно?

Кузьмин помолчал, снял очки, потер переносицу. Жест уставшего человека.

– Должно было. Проектная документация. – Он помолчал еще. – Но не все успели прибыть до герметизации. Транспортный коллапс, паника... Да и не все захотели.

– Не захотели? – удивилась Катя.

– Были такие. Фанатики, сектанты, просто отчаявшиеся люди. Решили, что наверху, под открытым небом, лучше. Что Бог их спасет, или природа, или еще что. – Он усмехнулся невесело. – Ошиблись. Мы все ошиблись, сказал он невесело.

Вадим кивнул и вышел.

В коридоре их ждал Серёга, листавший что-то в своем планшете.

– Ну как? Оформились?

– Нормально, – коротко ответил Вадим.

Пошли обратно. К лифту, по лестницам, по бесконечным коридорам. Вернулись в свою комнату. Вадим закрыл дверь

и прислонился к ней спиной. В комнате было тихо, только гул вентиляции доносился откуда-то сверху.

– Ну? – спросила Катя, глядя на него. Она стояла посреди комнаты, обхватив себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

– Что «ну»? Понял главное: нарушил – сгниешь в реабилитационном секторе.

– А про список? Про Колосова?

– Про Колосова тоже понял. Это он нас сюда отправил. Его фамилия в рекомендациях. – Вадим прошел к окну, раздвинул шторы. – Значит, он знал, что мы выживем. Или почему-то надеялся.

Катя села на койку, обхватила плечи руками.

– Вадим, а если бы не он? Мы бы не попали сюда?

– Не попали бы. Стояли бы сейчас перед закрытыми воротами. Или бродили бы где-нибудь, пока не замерзли. А может быть уже бы и не бродили.

– Значит, он получается нас спас...

Вадим подошел к окну, раздвинул шторы. Посмотрел на открывшийся вид: внизу, под стеклом, сиял огнями искусственный город. Искусственный вечер только начинался, в окнах домов зажигался свет. В парке зажглись фонари, мягко подсвечивая аллеи. По одной из них шла женщина. Шла не торопясь, видно было что просто гуляла.

– Спас, – сказал он, глядя на эту идеальную картинку. – Только вот...

– Что?

– Мне здесь не нравится. – Он повернулся к ней. – Ты посмотри на это. Слишком правильно. Слишком чисто. И эти глаза у Кузьмина, глаза человека, который привык отправлять людей в никуда. И у тех, внизу, в парке, глаза тоже... ты присмотришься. Они не такие, как у нас. Они пустые. Сытые, спокойные, но пустые.

– Он просто устал, Вадим. Сколько времени он в подземелье, с бумажками, с нормами? Любая работа глаза мертвыми сделает.

– Может быть.

– А люди в парке... Они просто привыкли. Живут себе и живут. Радуются, что живы.

– Радуются? – Вадим усмехнулся. – Ты видела, как они ходят?словно во сне. Медленно, плавно, без цели. У них нет целей, Катя. Только работа, еда, сон.

– У нас будет цель. – Катя встала, подошла к нему, взяла за руку. – У меня будет работа, которая мне нравится. У тебя – твоя мастерская. Мы будем жить. Не будем загадывать, но возможно это наш шанс?

Они стояли у окна, обнявшись, и смотрели на этот рукотворный рай. В парке зажглись фонари, по аллеям гуляли парочки, где-то вдалеке играла тихая музыка. Красиво. Спокойно. Безопасно.

– Вадим, – сказала Катя тихо. – Я боюсь, что это кончится. Что завтра нас разбудят и скажут: «Произошла ошибка, вам

придется покинуть комплекс».

– Не кончится. – Он прижал её крепче. – Не сейчас.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Но пока мы здесь – будем жить.

Она прижалась к нему всем телом, ища тепло и защиту.

– Ладно. Будем жить.

За окном искусственный вечер вступал в свои права. Огни становились ярче, небо темнело, зажигались звезды – тоже ненастоящие, светодиодные. Где-то в парке заиграла музыка – тихая, мелодичная, успокаивающая. Вадим смотрел на всё это великолепие и думал одно: мышеловка. Самая красивая, самая удобная мышеловка, какую он когда-либо видел. И сыр в ней был очень даже настоящим.

Он вспомнил слова Кузьмина: «Реабилитационный сектор. Оттуда не возвращаются». Интересно, сколько уже людей отправилось в этот сектор? И за что? За попытку узнать правду? За вопрос не по уставу? За то, что посмел усомниться в совершенстве этого мира?

Вентиляция гудела ровно, мерно, как сердце гигантского организма. Организма, который дышал за них, кормил их, поил и когда-нибудь, возможно, переварит.

– Вадим, – сонно пробормотала Катя. – Иди ложись. Завтра на работу.

– Иду.

Он лег, укрылся одеялом. Катя уже дышала ровно, прова-

лившись в сон без сновидений.

Вадим лежал с открытыми глазами и слушал тишину. Вернее, гул вентиляции, далекие шаги в коридоре, приглушенный голос из динамика, объявляющий отбой. Все эти звуки сливались в один монотонный шум, который должен был успокаивать, но почему-то вызывал глухую тревогу.

Слишком тихо. Слишком правильно.

Завтра он пойдет в мастерскую. Будет точить детали, чинить механизмы, делать вид, что всё хорошо. А по ночам будет лежать и слушать, как дышит этот город. И ждать.

Чего? Он и сам не знал.

Может быть, того момента, когда он начнет понимать, что его беспокоит в этом идеальном комплексе.

Глава 5

Утром Катя проснулась сама – за полчаса до сигнала будильника, встроенного в настенный терминал. Тело, измененное месяцами хронического недосыпа и вечной тревоги, наконец-то позволило себе выключиться и восстановиться. Она лежала на спине, глядя в потолок с матово-белыми плитами звукоизоляции, и слушала тишину. Это была уютная тишина теплого и безопасного дома. Та, в которой было слышно, как тихо гудит вентиляция и как где-то далеко, этажом выше, слышны приглушенные шаги соседа, ушедшего на раннюю смену.

Рядом, чуть посапывая во сне, спал Вадим. Дышал ровно, глубоко, разомкнув губы – впервые за многие месяцы он спал по-настоящему, без кошмаров, без привычки вздрагивать и просыпаться от каждого шороха. Было видно, что ему было хорошо. Орион заткнул ту черную дыру в душе, которая раньше требовала постоянного контроля и ожидания опасности.

Она осторожно, стараясь не скрипнуть пружинами кровати, откинула стеганое одеяло и встала. Босые ноги коснулись теплого пола с мелкой ребристой поверхностью – еще одно маленькое чудо этого места. В душевой, тесной пластиковой кабинке с идеальным напором горячей воды она позволила себе постоять дольше обычного, давая воде смыть не толь-

ко остатки сна, но и ту невидимую корку въевшегося страха, что сопровождала их в последние годы. Пар окутывал ее, запотевал небольшое зеркальце, и она с наслаждением вдыхала влажный, горячий воздух, чувствуя, как расслабляются мышцы плеч и спины. И она снова подумала – какое же это блаженство, когда просто тепло и ты постоянно не дрожишь от холода, и вместо тишины слышишь только как стучат зубы.

Умывшись, она долго причесывалась перед зеркалом, рассматривая свое отражение сквозь медленно тающий налет пара. Лицо заметно посвежело, осунувшаяся бледность уступила место слабому, но здоровому румянцу. Глаза блестели. Три дня нормальной еды, тепла и, что важнее всего, отсутствия смертельной угрозы – и тело откликнулось с благодарной готовностью. словно растение, которое наконец-то поставили на свет после долгого томления в темном подвале.

Одевшись в простую, но чистую одежду со склада – мягкие серые брюки и футболку с логотипом комплекса, – она затянула влажные еще волосы в тугий хвост и уже была готова к выходу, когда проснулся Вадим.

– Идешь? – спросил он хрипловатым со сна голосом, приподнимаясь на локте.

– Ага. Хочу прийти пораньше. Осмотреться, вникнуть, познакомиться с коллегами до начала работы. – Она говорила шепотом, словно боялась спугнуть эту хрупкую идиллию.

– Успеешь еще поработаться. – Он сладко зевнул, потя-

нувшись так, что хрустнули суставы.

– Не могу. Меня тянет туда, – призналась она, присаживаясь на край кровати, чтобы завязать шнурки на ботинках. – Знаешь, такое чувство, будто это все сон. И если я не поспешу и не закреплю его явью, он просто исчезнет, растворится.

Вадим понимающе усмехнулся:

– Иди. Я потом подойду, к обеду. Найду тебя.

Она чмокнула его в колючую, небритую щеку, пахнущую сном и теплом, и выскользнула за дверь, которая мягко щелкнула магнитным замком.

Коридоры больше не казались чужим лабиринтом. Она уверенно нашла развилку, свернула на зеленую линию разметки, ведущую к столовой, а затем на синюю – к пассажирским лифтам. Под ногами приятно пружинило покрытие. Лифт, беззвучный и быстрый, прибыл почти мгновенно. Спустил на нужный уровень.

Здесь царила совсем иная атмосфера. Стены, крашенные светлой больничной краской, хранили на себе темные разводы. Воздух здесь был тяжелее, прохладнее, и в нем витал слабый, но навязчивый запах, который бывает только в операционных или лабораториях. Запах, от которого у непосвященных слегка сжимается желудок, а у посвященных – просыпается профессиональный аппетит.

Блок нашелся быстро. Массивная герметичная дверь с табличкой «Биологическая лаборатория. Посторонним вход

воспрещен. Соблюдать чистоту!» выглядела внушительно, как вход в святая святых. Катя приложила карточку к считывателю – электроника довольно пискнула, дверь с шипением пневматики отошла в сторону,пуская ее в тамбур, где предстояло переобуться и надеть халат.

Внутри было... как дома. Или как в той, прошлой жизни, которая казалась теперь далеким, почти забытым сном.

Небольшое помещение, метров пятьдесят, было заставлено оборудованием под самую завязку. Вдоль стен теснились современные микроскопы с лазерной наводкой, центрифуги разных моделей, аккуратно урчащие термостаты, инкубаторы и массивный автоклав, от которого поднимался легкий парок и исходил запах нагретого металла. Стеллажи из нержавеющей стали ломились от штативов с пробирками, колб всех мыслимых форм и размеров, чашек Петри, сложенных идеальными стопками, и коробок с реактивами, на которых чья-то заботливая рука вывела несмываемым маркером даты вскрытия. В углу, подсвеченный изнутри неоновым светом, гудел вытяжной шкаф, где поблескивала сложная стеклянная аппаратура – перегонные кубы и холодильники для дистилляции. На стенах висели графики, испещренные разноцветными линиями, схемы циркуляции веществ в замкнутой системе и глянцевые фотографии микроорганизмов под огромным увеличением – чудовищные и прекрасные одновременно, похожие на инопланетные пейзажи. Вид завораживал, и снова поймала себя на мысли что ей это очень нра-

вится и все время, которое они провели в метро и котельной было лишь плохим страшным сном.

За одним из столов, заваленным бумажными распечатками, сидела женщина. Лет сорока с небольшим, в очках с толстыми линзами, увеличивающими глаза, и в белом халате, накинутом поверх обычной одежды. Худая, почти аскетичная, с сероватым, нездоровым цветом лица, выдающим время жизни без солнца, но с живыми, цепкими и внимательными глазами. Увидев Катю, она коротко кивнула, не прерывая записи.

– Снегирева? – спросила она тихо, почти шепотом. В этом помещении, наполненном миллионами невидимых, но живых культур, говорить громко казалось кощунством, нарушением тишины храма науки.

– Да.

– Я Нина Борисовна. Идите, переодевайтесь. Халаты в том шкафу, чистые. Обувь сменная там же. – Голос ее был сух и монотонен, словно она сэкономила силы на каждое слово.

Катя нашла шкаф, взяла халат – накрахмаленный, хрустящий, явно только из стирки, пахнувший чистотой. Переобулась в легкие тканевые тапочки. Подошла к Нине, чувствуя привычную рабочую собранность и легкое волнение новичка перед матёрым профессионалом.

– Что делать?

– Сначала покажу хозяйство. Потом работу дам. Смотрите и запоминайте. Переспрашивать можно, но лучше один раз

увидеть, чем сто раз услышать.

Нина встала, подошла к стеллажу с пробирками. Взяла одну, осторожно, как величайшую драгоценность, словно та была сделана из тончайшего хрусталя, протянула Кате:

– Водоросли. Штамм хлореллы, оптимизированный для замкнутых систем. Наш основной источник кислорода и часть пищевой цепочки для дафний. Наша задача – следить за их здоровьем, плотностью популяции, отсутствием мутаций и бактериального заражения. Если эти ребята загнутся, мы все начнем задыхаться уже через неделю. И никакие генераторы не помогут.

Катя взяла пробирку. Стекло было приятно прохладным и гладким. Она поднесла ее к свету, посмотрела на просвет. Внутри колыхалась густая, изумрудно-зеленая взвесь, похожая на болотную тину, но невероятно чистая, однородная, живая. Казалось, она светится изнутри собственным светом.

– Нормальные? – спросила она, чувствуя, как внутри просыпается профессиональный интерес, дремавший долгие годы.

– Пока да. Но вчера в третьем образце из резервуара В-7 нашли отклонения. Посмотрите в микроскоп. – Нина указала на свободный аппарат, рядом с которым лежал журнал учета.

Катя села за окуляр, привычным движением отрегулировала резкость, настраиваясь на увеличение. В поле зрения попали идеально круглые, ярко-зеленые клетки, похожие на

маленькие бильярдные шары. Некоторые из них делились прямо на глазах, образуя перетяжки посередине. Всё было в норме. Идиллия.

– А где именно отклонения?

– Вот, этот образец. – Нина протянула другую пробирку, на этикетке которой красовалась красная метка «SUSPECT» и стояла дата.

Катя сменила препарат, снова всмотрелась в окуляр, подкручивая настройки. Часть клеток утратила округлость – они были вытянутые, веретенообразные, с какими-то уродливыми утолщениями на стенках, похожими на опухоли. Среди зеленого совершенства здоровых особей они выглядели чужеродными монстрами, ошибкой природы.

– Полиморфизм? Мутация? – предположила она, чувствуя, как по спине пробегает холодок профессионального интереса. – Или заражение другим штаммом?

– Очень похоже на соматическую мутацию. Пока единичные случаи, менее процента. Надо следить в динамике, смотреть пробы каждый день. Если процесс пойдет лавинообразно, мутация может захватить весь резервуар. Тогда – уничтожение образца и тотальная дезинфекция всего контура с повышением давления и ультрафиолетом.

– А новые где брать? Чем заменять?

– В криобанке на минус восьмидесяти. – Нина кивнула в сторону массивной серебристой двери, похожей на сейф. – Замороженные культуры, страховой запас на сотню лет впе-

ред. Там и хлорелла, и спирулина, и еще с десятков штаммов. Так что не пропадем, если не проморгаем момент. – Нина говорила об этом с ледяным спокойствием, за которым чувствовался огромный опыт и уверенность в своих силах.

Катя кивнула, аккуратно отставила пробирку с «подозреваемыми» в специальный красный штатив для зараженных материалов.

– Чем еще занимаемся?

– Почвой. – Нина подвела ее к длинным ящикам с образцами грунта. – Следим за микробиологией почвы в парке и на сельскохозяйственных участках. Растениями высшими – фикусы, пальмы, овощные культуры в гидропонных теплицах. Грибками, дрожжами. Всё, что растет, цветет и плодоносит в этом герметичном мире, мы контролируем. – Нина обвела рукой лабораторию, и в этом жесте была тихая гордость. – Мы отвечаем за стабильность биосферы. Если мы здесь что-то проморгаем, через месяц все задохнется или умрут от голода. Звучит пафосно, но, по сути, так оно и есть.

Нина говорила все так же тихо, почти монотонно. Катя смотрела на неё и думала: сколько же она здесь провела, в этом склепе, без окон, без смены дня и ночи, кроме той, что рисуют на куполе для успокоения обывателей?

– Вы давно работаете? – осторожно спросила она.

– С открытия. Как запустили биореакторы, так я здесь и сижу. – Она поправила очки, на лице не дрогнул ни один мускул.

– И не надоело? Не хочется чего-то другого?

Нина пожала плечами, и этот жест показался Кате удивительно красноречивым, вобравшим в себя всю усталость и смирение человека, нашедшего свое место в руинах мира.

– Работа как работа. Кому-то и в шахте работать – не надоедает. А здесь чисто, тепло, с голоду не умираем. И дело важное. – Она сделала паузу и добавила совсем тихо: – Какая разница, где сидеть, если снаружи только холод и смерть?

Катя подошла к другому столу, где в специальных горшках с автополивом стояли растения. Фикусы с глянцевыми, словно лакированными листьями, в которых отражался свет ламп, пальмы с перистыми ветвями, несколько кустов роз с тугими, еще не распустившимися бутонами. Все здоровые, ухоженные, ярко-зеленые. Искусственное, почти стерильное совершенство.

– Это для экспериментов? Или просто для красоты?

– И то, и другое. Смотрим, как растут в замкнутой среде при пониженном давлении и специфическом спектре освещения. – Нина подошла ближе, коснулась листа фикуса. – Но администрации, конечно, нравится, когда в кабинетах цветы стоят. Говорят, успокаивает нервы. Напоминает о том, что мы не просто в норе сидим, а строим новый мир.

Катя осторожно провела пальцем по упругому, прохладному листу фикуса. Под пальцами чувствовалась тугая влажность здорового растения, его плоть.

– Я по биологии работала раньше, – сказала она задум-

чиво, скорее для себя. – В НИИ. В Питере. До всего этого. Тоже сидела с микроскопом, изучала штаммы водорослей. Диссертацию писала, кандидатскую.

– Знаю. У меня есть доступ к личным делам сотрудников. – Нина посмотрела на неё поверх очков, и в этом взгляде читалась не угроза, а констатация факта. – Кандидатская диссертация, да? Хорошая база. Нам такие нужны. А то молодежь, что здесь родилась, теории не знает, одной практикой живут.

– Там всё написано?

– Почти. Кроме того, что вы чувствуете и о чем думаете. – В голосе Нины мелькнула тень усталой иронии. – Вы не бойтесь. Просто работайте. Здесь это самое главное. Мы все тут просто работаем.

– А что может быть страшного?

Нина не ответила. Отвернувшись к своему столу, взяла потрепанный журнал учета и углубилась в записи, давая понять, что разговор окончен. Катя поняла: больше спрашивать не стоит. По крайней мере, сегодня.

Работала она до самого обеда без перерыва, даже не заметив, как пролетело время. Смотрела пробирки одну за другой, сверяя с эталоном, записывала данные в электронный журнал на старом, но надежном терминале, мыла и стерилизовала посуду в автоматической мойке, расставляла по местам коробки с реактивами. Руки сами делали то, что надо, тело двигалось по накатанной профессиональной колее, па-

мать услужливо подсказывала нужные последовательности действий. Всё было знакомо до сладкой боли. Запах реактивов, щиплющий ноздри, стерильная чистота воздуха, тихое, успокаивающее гудение центрифуги, мягкое жужжание вентиляторов в блоках питания микроскопов.

В какой-то момент она поймала себя на том, что улыбается. Просто так. Без причины. От ощущения правильности происходящего.

Нина подошла к ней, когда Катя возилась с очередным образцом, забирая пробу для вечернего анализа.

– Нравится? – спросила она.

– Очень. – Катя даже не стала скрывать. – Как будто домой вернулась. В старую, хорошую жизнь.

– Бывает. Мне тоже сначала нравилось. До одури. Я здесь ночевать готова была, лишь бы не уходить. Глаза боялись, а руки делали.

– А сейчас?

– Сейчас привыкла. – Нина пожала плечами. – Привычка – она всё притупляет. И хорошее, и плохое. Остается только работа. Но это тоже неплохо.

Ровно в час по внутреннему времени, когда на стене загорелся зеленый диод, Нина взглянула на настенные часы:

– Идите, пообедайте. Столовая на втором уровне, за синей зоной.

Катя сняла халат, аккуратно повесила его в шкаф, расправив складки, переобулась. Вышла в коридор, неся в себе лег-

кое, почти забытое чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы.

Столовая на втором уровне оказалась огромным светлым залом с высокими потолками, полным людей. Гул голосов, звон посуды, запах еды – все это било по привыкшим к тишине лаборатории чувствам. Катя взяла поднос из стопки, встала в конец очереди, разглядывая людей. На раздаче ей положили тарелку густого, наваристого супа, в котором плавали кусочки мяса и овощей, котлету с пюре, салат из квашеной капусты, стакан компота и ломоть хлеба. Оглядела зал в поисках свободного места.

Народу было много – слышался сдержанный гул голосов, стук приборов о пластик тарелок. Она заметила столик в углу, где сидела только одна женщина в такой же, как у неё, унифицированной одежде. Катя подошла:

– У вас здесь свободно?

Женщина подняла голову от тарелки, приветливо кивнула:

– Да, садитесь.

Катя села, принялась за еду, с наслаждением вдыхая пар от супа. Женщина, напротив, оказалась молодой, лет двадцати пяти, с короткой практичной стрижкой и быстрыми, цепкими глазами, которые, казалось, замечали всё вокруг. Она доедала свой обед, но поглядывала на Катю с откровенным любопытством.

– Вы новенькая? – спросила она наконец, отложив ложку.

– Да. Третий день здесь. Меня Катя зовут.

– Аня. – Женщина улыбнулась. – С поверхности?

– Ага.

– Ого. – В глазах Ани мелькнул неподдельный интерес, смешанный с благоговейным ужасом. – И как там? Страшно? Я только в новостях слышу.

– Холодно, очень холодно. – коротко ответила Катя, не желая вдаваться в подробности и бережно охраняя свой новый покой от вторжения тяжелых воспоминаний. – Очень холодно и пусто. Бесконечно пусто.

– А люди? Много людей осталось? – Аня подалась вперед, понизив голос.

– Мало. Очень мало. Мы добирались сюда несколько дней и почти никого не встретили. Только руины и снег.

Аня покачала головой, в глазах мелькнуло что-то похожее на благоговейный страх перед той бездной, что лежала за стенами комплекса.

– Я здесь уже давно, – сказала она тихо. – В этом комплексе. С самого начала, когда только герметизировались. Иногда думаю: а что там, наверху? Солнце, ветер, снег... Страшно представить. И в то же время тянет взглянуть.

– Там сейчас только холод, – мягко, но твердо повторила Катя. – И пустота. И смерть. Здесь лучше, как в раю. Поверьте мне. Вы ничего не потеряли.

– Наверное. – Аня улыбнулась, словно освобождаясь от наваждения. – Я, кстати, в швейном цехе работаю, форму

шьем и белье. Работа не пыльная, но скучная.

– Понятно, а я в лаборатории, биолог.

– Понятно. Если что – обращайтесь. Я в пятом блоке живу, комната 512. У нас там девчонки веселые, можем в карты вечером перекинуться, в «дурака» или в «тысячу». Отвлечетесь от мыслей.

Они еще немного поболтали о пустяках. Потом Аня ушла, помахав на прощание рукой, а Катя допила компот и, чувствуя приятную сытость, отправилась обратно в свою лабораторию.

Остаток дня пролетел как одно мгновение. В пять часов, когда внутреннее освещение слегка изменило спектр, имитируя наступление вечера, Нина, не поднимая головы от записей, сказала:

– Всё, на сегодня хватит. Завтра продолжите. Можете идти.

Катя сняла халат, повесила, попрощалась с Ниной, которая лишь кивнула в ответ, и вышла в прохладный, гулкий коридор.

В коридоре она остановилась. Прислонилась спиной к прохладной стене, покрытой ребристой плиткой, закрыла глаза. Глубоко вздохнула, чувствуя, как от перенапряжения и счастья слегка дрожат руки.

– Господи, – прошептала она одними губами, обращаясь к кому-то невидимому. – Спасибо тебе. Спасибо за все это.

Постояла так минуту, приходя в себя. Потом пошла к

лифту, машинально улыбаясь проходящим мимо людям, которые казались ей теперь не чужими, а частью одного большого организма.

В комнате уже был Вадим. Сидел за маленьким столом в свете настольной лампы и что-то сосредоточенно чертил карандашом на листе миллиметровки – сложную схему, судя по линиям и обозначениям, электрическую. Увидел Катю, отложил карандаш, повернулся к ней, устало потирая переносицу.

– Ну как на работе? – спросил он, внимательно вглядываясь в ее лицо, пытаясь угадать настроение.

– Господи, это просто какое-то счастье. Как будто и не было всей этой катастрофы. – Она села на койку, с наслаждением стянула ботинки и откинулась на подушку, глядя в потолок. – Очень хорошо, Вадим. Ты даже не представляешь.

– Рассказывай.

– Лаборатория. Настоящая, как в лучшие годы. Оборудование – микроскопы с лазерной наводкой и цифровыми камерами, центрифуги-рефрижераторы, реактивы высшей очистки! – Она говорила быстро, захлебываясь словами, словно боялась, что видение исчезнет. – Коллега – Нина Борисовна, молчунья, сухарь, но, видно сразу, профи высочайшего класса. Работа – водоросли, растения, почва, микробиология замкнутых циклов. Отвечаем за всю биосферу комплекса. – Она перевела дух. – Я сегодня пробирки мыла. Обычные стеклянные пробирки из-под хлореллы. И улыба-

лась. Просто стояла над раковиной, в резиновых перчатках, и улыбалась, как дурочка.

Вадим усмехнулся уголком губ, покачал головой:

– Я тоже сегодня улыбался. Когда генератор старый починил. Резервный дизель на третьем уровне, в машинном зале. Он у них неделю не заводился, электрики голову ломали, схемы смотрели. А я с ним минут сорок провозился, прочистил форсунки, отрегулировал подачу топлива – и он завелся. Ровно так заурчал, как кот сытый после обеда. Мужики из бригады смотрели на меня как на бога.

– Даже не знаю, я так давно не была так счастлива! – Катя вскочила, подошла к нему, села на второй стул, придвинувшись вплотную. – Мы вернулись к жизни. К нормальной человеческой жизни. Работа, дом, еда. Люди вокруг. Обычные люди, с обычными проблемами.

– Похоже на то. – Он обнял ее за плечи, притягивая к себе, чувствуя тепло ее тела.

– Ты всё еще думаешь про свою мышеловку?

Вадим помолчал, глядя в стену, за которой в искусственном небе догорал запрограммированный закат.

– Думаю. – Он вздохнул, и в этом вздохе смешались усталость и облегчение. – Но меньше. Чувство опасности притупилось. Как будто старую рану перестало дергать к непогоде. Но привычка ждать подвоха – она въедается глубоко. А может просто паранойя выработанная за эти месяцы в холоде и безнадежности.

– Вот и хорошо. – Катя положила голову ему на плечо, вдыхая знакомый запах пота, машинного масла и еще чего-то родного. – Не надо всё время искать подвох. Иногда сыр в мышеловке бывает просто сыром.

– Бывает, – тихо согласился он и поцеловал её в макушку.

Они сидели так какое-то время, глядя на стену, за которой угасал свет. Оранжевое свечение светодиодного солнца медленно меркло, уступая место глубокому синему цвету ночи.

Глава 6

После ужина, они переоделись в более легкую одежду – Катя надела спортивные штаны и кофту с длинным рукавом, Вадим – простые брюки и мягкий свитер – и вышли гулять.

Катя настояла. Сказала, что если они не пойдут в парк сейчас, в первый же свободный вечер, то она не простит ему это никогда. Или потом они не пойдут вообще никогда – замотаются, привыкнут, начнут находить отговорки и в итоге так и проживут всю жизнь в коридорах и комнатах, не видя той красоты, ради которой, возможно, всё это и затевалось. Вадим спорить не стал. Ему тоже не терпелось увидеть этот подземный город вблизи, пройти по его аллеям, вдохнуть воздух, пахнувший не машинным маслом и пылью, как в мастерской, а чем-то иным, живым, почти забытым.

Серёга из ремонтной бригады подробно объяснил накануне, как пройти. Седьмой блок, лестница вниз на один пролет, через стеклянную гермодверь, турникет – и сразу центральная аллея. Минута, от силы две.

Так и вышло. Они спустились по бетонным ступеням с резиновыми накладками, глушащими шаги, прошли через тяжелую стеклянную дверь с пневматическим доводчиком, который мягко зашипел за спиной, приложили карточки к турникету, и...

Вадим остановился как вкопанный, пораженный открыв-

шимся зрелищем до глубины души.

Вблизи это выглядело в сто раз сильнее, чем со смотровой площадки. Настоящий городской парк, перенесенный под землю целиком, жил своей неторопливой вечерней жизнью. Центральная аллея – широкая, метров двадцать, вымощенная аккуратной тротуарной плиткой терракотового цвета – уходила далеко вперед, теряясь в сумерках у площади, где угадывались очертания неработающего фонтана. Вдоль неё, через равные промежутки, стояли чугунные скамейки, стилизованные под старину с затейливыми завитушками, и старые фонари с матовыми плафонами, излучающими теплый желтоватый свет, от которого на плитку ложились мягкие круги и длинные тени прохожих. Из литых чугунных ваз, увитых искусственным плющом, свешивались каскады живых цветов – петуний и настурций, пахнущих сладко и терпко, привлекая своим ароматом, были частью этой рукотворной экосистемы.

И конечно деревья. Настоящие, живые, высоченные ели, чьи тяжелые лапы касались самой земли, раскидистые березы с плакучими ветвями и белой корой, фосфоресцирующей в сумерках, клены с резными листьями, густые кусты сирени и жасмина, от которых исходил густой, пьянящий аромат. Всё было зелено, ухоженно, без единого сухого или пожелтевшего листика, словно все подчинялось какому-то невидимому графику, составленному заботливыми садовниками. Воздух здесь казался более влажным, чем в стерильных ко-

ридорах, пахло землей, цветами, прелой листвой и еще чем-то неуловимо лесным, смолистым.

Над головой простиралось небо. Глубокое, синее, с легкими перистыми облаками, которые медленно плыли от одного края купола к другому, подсвеченные снизу невидимыми проекторами, спрятанными в складках искусственного ландшафта. Солнце уже село, но свет был мягким, сумеречным, тем особенным светом глубоких летних сумерек, когда мир замирает в ожидании ночи, а воздух становится прозрачным и звонким, и каждый звук слышен особенно отчетливо. Визуализация была максимально реалистичной, и если не знать наверняка, то можно было поклясться, что это настоящее небо, настоящий закат, настоящая жизнь.

– Трава, – выдохнула Катя, и в этом слове было столько чувства, сколько другие люди вкладывают в слова «люблю» или «прости».

Она смотрела вниз, не в силах оторвать взгляд. Вдоль аллеи, между плитками, и на обширных газонах, уходящих вбок от дорожек, росла трава. Самая обычная, зеленая, сочная луговая трава. Она опустилась на корточки прямо посреди аллеи, провела ладонью по верхушкам травинок, с наслаждением ощущая их прохладную, упругую мягкость и легкую влажность от системы автоматического полива, которая недавно закончила работу.

– Трава! – повторила она громче, оглядываясь на Вадима с сияющими глазами, в которых блеснули непрошенные слезы.

– Вадим, смотри! Самая настоящая!

– Вижу. – Он тоже присел, потрогал землю у края газона. Пальцы ощутили влажный, рыхлый, жирный чернозем. Живая земля, пахнувшая дождем и перегноем. Он поднес пальцы к носу – пахло сыростью и той незабываемой свежестью, которая бывает только после настоящего летнего ливня, когда воздух налит озоном и жизнью.

– Мы столько времени не видели травы. – Катя сорвала травинку, зачем-то поднесла к лицу, вдохнула горьковатый сок, прикусила стебель, словно пробуя на вкус саму реальность. – Пахнет! Свежестью пахнет, как в деревне у бабушки! Ты помнишь этот запах?

Она выпрямилась и пошла дальше, замедляя шаг, чтобы рассмотреть каждую деталь, каждый цветок, каждый листик, каждую трещинку на коре. Вадим двинулся за ней, не торопясь, впитывая окружающую картину, все еще не веря до конца своим глазам.

По аллее не спеша прогуливались люди. Кто-то вел за руку детей, кто-то сидел на скамейках, уткнувшись в книги или планшеты с подсветкой, выхватывающей из темноты сосредоточенные лица. Парочка целовалась под раскидистым кленом, не обращая ни на кого внимания, слившись в единое целое в теплом сумраке. Молодая мать катила перед собой коляску с младенцем, который, судя по полной неподвижности и розовым щекам, мирно спал, убаюканный свежим воздухом и мерным гулом вентиляции, замаскированным под

ветер. Две пожилые женщины на лавочке о чем-то оживленно беседовали, изредка взмахивая руками, обсуждая, видимо, последние местные новости или качество продуктов в распределителе.

– И дети есть, – тихо сказал Вадим, чувствуя, как что-то теплое и одновременно щемящее сжимается в груди. – И коляски. Все это так по-настоящему. – Он помолчал, провожая взглядом удаляющуюся женщину. – Это так необычно, мне кажется, что я никогда к этому не привыкну. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Ага. – Катя кивнула, не отрывая взгляда от этой идиллической картины. – Жизнь продолжается. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

Они прошли мимо скамейки, где сидел старик с настоящей бумажной газетой в руках – пожелтевшей реликвией прошлого мира, которую, видимо, берегли как зеницу ока, перечитывая по вечерам. Рядом женщина кормила ребенка с ложечки кашей из пластиковой баночки. Ребенок капризничал, отворачивался, размазывал кашу по щекам и по нагруднику, женщина терпеливо уговаривала, вытирая его салфеткой и тихо посмеиваясь над его гримасами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.